Олег БУДНИЦКИЙ

1945 ГОД И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. А. АЛДАНОВА, В. А. МАКЛАКОВА И ИХ ДРУЗЕЙ*

Вторая мировая война нанесла тяжелый удар по русской эмиграции, включая ее неофициальную политическую и культурную столицу – Париж. После оккупации Франции нацистами в 1940–1941 гг. за океан выехала значительная часть эмигрантской либерально-демократической интеллектуальной элиты, имевшей реальные основания опасаться за свою жизнь и свободу. Эмиграция, и ранее не отличавшаяся единством, оказалась в годы войны расколота еще в большей степени – значительная ее часть поддержала нацистов, рассматривая Гитлера как освободителя России от большевистского ига. Среди тех, кто в той или иной форме сотрудничал с нацистами или открыто высказывался в их поддержку, оказались не только крайне правые политики и публицисты, но и вполне респектабельные фигуры русского Парижа, такие как танцовщик и коллекционер Серж Лифарь, писатели Иван Шмелев, Илья Сургучев и Зинаида Гиппиус, художник и историк искусства Александр Бенуа, философ Борис Вышеславцев. Список далеко не исчерпывающий. Другая часть политически активной эмиграции стояла на оборонческих

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-01-00277а).

позициях, если не позабыв, то на время спрятав свои разногласия с советской властью. Немало эмигрантов приняло участие в движении Сопротивления.

Эмигрантский “пейзаж” после освобождения Франции выглядел не слишком радостно: численность эмиграции существенно сократилась, а моральный кредит заметно упал. В нацистских лагерях погибли сотни русских евреев-эмигрантов; сотни эмигрантов покинули страну. Немало видных деятелей эмиграции разной политической ориентации умерли в годы войны по естественным причинам, в том числе лидер либералов П. Н. Милюков, председатель адвокатского союза Н. В. Тесленко, бывший царский премьер В. Н. Коковцев и бывший министр финансов Временного правительства М. В. Бернацкий, писатель Д. С. Мережковский и многие другие. В 1945 году перед русскими изгнанниками-“оборонцами” встал вопрос о смысле существования эмиграции: если они оказались по одну сторону с советской властью, не пора ли если не признать ее правоту, то поискать точки соприкосновения?

Дискуссиям по этому ключевому для эмиграции вопросу посвящена настоящая публикация.

Спор о смысле изменений, произошедших в России, и о роли эмиграции в новых условиях развернулся между людьми во многом сходных воззрений, лично много лет знавшими друг друга, но оказавшимися в годы войны по разные стороны океана. Что означало – в свободной стране или в оккупации, в безопасности или под угрозой тюрьмы, а то и смертной казни. Иначе говоря: между русскими нью-йоркцами и русскими парижанами.

К русскому Нью-Йорку в годы войны перешла роль столицы русской эмиграции. Русская колония в США, за небольшими исключениями не отличавшаяся особыми интеллектуальными претензиями, получила мощную подпитку из Европы. В США, преимущественно в Нью-Йорк, во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов перебрались многие русские эмигранты – писатели, издатели, политические деятели, предприниматели, юристы, ученые… Приезжали не только из Франции – из Германии, Прибалтики, Польши. Однако наиболее многочисленная группа интеллектуалов прибыла из Парижа. В Нью-Йорке в годы войны стал выходить новый толстый журнал, сменивший знаменитые парижские “Современные записки”. Он так и назывался – “Новый журнал”. Одновременно стал выходить литературно-художественный журнал “Новоселье” (в четверть объема своего конкурента, издатель и редактор С. Ю. Прегель). “Новый журнал” выходил ежеквартально,

“Новоселье” был объявлен ежемесячным, но графика не выдерживал, хоть и выходил в два раза чаще своего толстого собрата. Эсеры начали издавать в Нью-Йорке в 1941 г. журнал “За свободу” (с 1942 г. под ред. Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова и В. М. Чернова); меньшевики возобновили в 1940 г. издание “Социалистического вестника” (редактор в 1940–1945 гг. Р. А. Абрамович, в 1945–1954 гг. – Р. А. Абрамович и С. М. Шварц). Наконец, нью-йоркская ежедневная газета “Новое русское слово”, производившая довольно провинциальное впечатление, резко улучшила качество, став надолго главной газетой “русского зарубежья”.

В Нью-Йорке возникли многочисленные общества, клубы, фонды, происходили публичные дискуссии, организовывались лекции, читались доклады. Эмигранты с трудом приспосабливались к новой стране, ее странным и столь непохожим на европейские обычаям, языку. Тем более что многие из “аргонавтов” были людьми немолодыми. Однако Америка, казавшаяся временным пристанищем, стала для подавляющего большинства из них новым домом. Поначалу нерегулярная связь с Францией поддерживалась. Но после вступления США в войну 7 декабря 1941 г., а затем оккупации нацистами в ноябре 1942 г. “свободной зоны”, контролируемой правительством Виши, какие-либо контакты с соотечественниками на территории Франции прервались.

“Увы, многих близких друзей и родных приходится оплакивать, как заживо похороненных”, – констатировал А. А. Гольденвейзер в марте 1943 г. – “Не знаю, кого из них нам доведется еще увидеть, когда, наконец, откроется ‘железный занавес’, окончательно отрезавший Европу после оккупации Юга Франции”.[1]

Через полтора года “железный занавес” открылся, точнее, был сорван войсками союзников. Наступило время подсчета потерь и помощи уцелевшим российским эмигрантам. А также произошла сверка “идеологических часов”: выяснилось, что отношение к коренному для политической эмиграции вопросу – о России, ее настоящем и будущем – у русских европейцев и русских американцев заметно отличается. Русские парижане были склонны не только признать заслуги советской власти в борьбе с нацистской Германией, но и примириться с ней. Русские американцы считали надежды на эволюцию советской власти

[1] Гольденвейзер А. А. – Григоровичу-Барскому Д. Н., 5 марта 1943 // Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR). Columbia University. Alexis Goldenweiser Collection. Box 8.

самообманом и не собирались “спускать флаг”. Впрочем, водораздел не всегда проходил по географическому принципу.

Марку Александровичу Алданову (Ландау) (1886–1957) довелось принять самое живое участие и в организации помощи русским эмигрантам во Франции после освобождения, и в дискуссии по вопросу об отношении к советской власти.

Полагаю, что один из самых известных русских исторических романистов XX столетия не нуждается в специальном представлении. Алданов, как правило, “проходит” “по ведомству” истории литературы. Между тем, в эмиграции он оказался по причине политических, а не эстетических расхождений с советской властью, принимал довольно активное участие в политической деятельности и от своей партийной принадлежности – Алданов был народным социалистом – не отказывался.

В России Алданов был заметным деятелем Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП). В январе 1918 г. в Петрограде по инициативе известного юриста А. С. Зарудного, в недавнем прошлом министра юстиции Временного правительства, состоялось собрание ЦК и Петроградского комитета ТНСП. Зарудный выступил с докладом, в котором обосновывал необходимость признания советской власти. С содокладом выступил Алданов; он был категорически против признания. Подавляющее большинство собравшихся разделяло взгляды Алданова. Оставшись практически в одиночестве, Зарудный вышел из партии.[2]

Осенью 1918 г. Алданов выезжал заграницу в качестве секретаря делегации Союза возрождения России,[3] антибольшевистской организации, объединявшей в основном представителей социалистических партий. В марте 1919 эмигрировал, в апреле 1919 г. обосновался в Париже, где, за исключением берлинского периода 1922–1924 гг., прожил до 1940 г. Алданов, несмотря на то, что литература стала его основным занятием, “не терял связи с партией”. Когда в мае 1920 г. в Париже был создан Заграничный комитет ТНСП, он вошел в состав его Исполнительного бюро вместе с Л. М. Брамсоном и А. А. Титовым. Председателем Заграничного комитета был избран знаменитый в прошлом революционер-народник, а в годы Гражданской войны – глава антибольшевистского архангельского правительства Н. В. Чайковский. Алданов регулярно принимает участие в заседаниях Заграничного

[2] Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. Москва, 2003. С. 46 (предисловие А. В. Сыпченко).

[3] См. М. А. Алданов. Из воспоминаний секретаря одной делегации // Последние новости. 1930. 20 апреля. С. 2-3; 1930. 26 апреля. С. 2-3; 1930. 22 мая. С. 2-3.

комитета, затем Парижского комитета ТНСП. В феврале 1927 г. он избирается в состав заграничного партийного бюро, причем если председатели Парижского комитета и Пражской группы партии вошли в состав бюро по должности, то третий член бюро избирался голосованием Пражской, Берлинской и Парижской групп энесов. Алданов получил большинство голосов.[4]

Группы энесов за границей были немногочисленны, общая численность сравнительно активных членов партии не превышала трех десятков человек. К 1940 г. функционировала только парижская группа, прекратившая свою и так едва заметную деятельность в связи с оккупацией нацистами Франции. В то же время некоторые энесы играли довольно заметную роль в политической, общественной, литературной и научной жизни эмиграции. Кроме упомянутых выше, назову А. С. Альперина, Р. М. Бланка, А. Ф. Изюмова, Е. А. Ляцкого, С. П. Мельгунова, В. А. Мякотина, Д. М. Одинца, А. Б. Петрищева, Т. И. Полнера, Е. А. Фальковского. Объяснялось это, впрочем, не их партийной принадлежностью, а профессиональными и личными качествами.

В 1920-1930-е годы круг общения, круг дружеских и профессиональных связей Алданова существенно расширяется. Он работал в “Днях” при редакторе А. Ф. Керенском, постоянно сотрудничал в “Последних новостях” и “Современных записках”. Главным его делом, конечно, была литература; не будем забывать, однако, что Алданов был не только романистом – он был политическим писателем. Его очерки и портреты, регулярно печатавшиеся на страницах периодики и выходившие затем отдельными книгами, нередко были посвящены весьма актуальным политическим проблемам (даже если носили исторический характер), а его характеристики современных политических деятелей, от Сталина до Гитлера, отличались не только точностью, но и проницательностью. Перечитайте сейчас литературные “портреты” Сталина (1927), Гитлера (1932) или Черчилля (1932) и сравните с последующей карьерой этих деятелей. Нетрудно заметить, сколь точно и сколь многое и предсказано Алдановым.

Не вдаваясь в анализ литературных и личных отношений Алданова с писателями, что выходит за пределы нашей задачи, отметим, насколько широки и разнообразны его политические связи и дружбы. По четвергам Алданов завтракает у Эжена и Софьи Григорьевны Пети. С. Г. Пети – урожденная Балаховская, киевлянка, как и Алданов. Муж Софьи Григорьевны, Эжен Пети, – французский дипломат и по-

[4] Трудовая народно-социалистическая партия. С. 48, 430, 508-509.

литический деятель, русофил, именуемый в русских кругах Евгением Юльевичем. Среди постоянных участников завтраков – А. Ф. Керенский, А. И. Гучков, М. В. Бернацкий, И. П. Демидов, В. А. Маклаков, В. М. Зензинов, И. И. Фондаминский, при их наездах в Париж бывают И. А. Бунин, П. Б. Струве, В. В. Набоков-Сирин.[5]

Особенно сближается Алданов с одним из участников завтраков – Василием Алексеевичем Маклаковым (1869–1957), "московским златоустом", знаменитым адвокатом, депутатом 2-4 Государственных дум, послом Временного правительства (после его падения де факто представлявшим различные антибольшевистские правительства) в Париже в 1917–1924 гг. После признания Францией Советского Союза Маклаков был вынужден покинуть посольский особняк на улице Гренелль; однако со "службы" он не ушел: возглавил офис по делам русских беженцев при французском Министерстве иностранных дел и был избран председателем Эмигрантского комитета. Иногда, о чем-то не доспорив, Маклаков и Алданов, хотя и живут в одном городе, обмениваются письмами, чтобы разъяснить друг другу свою позицию.

Еще одна линия сближения Маклакова и Алданова – масонская. Оба входили в "русские" ложи "Свободная Россия" и "Северная Звезда", причем были членами-основателями, и в "Державный капитул Северная Звезда", в который входили русские масоны 18-й степени "Великого Востока Франции".[6] Масонские ложи, влияние которых на судьбоносные события российской истории иногда усматривали даже серьезные исследователи, на наш взгляд, были не более чем клубами, где можно было поговорить без лишних глаз и ушей, иногда чем-то вроде обществ взаимопомощи. Во всяком случае, если речь идет о масонских ложах эмигрантского периода.

Тексты Маклакова, наряду с текстами Алданова, составляют ядро настоящей публикации. Позволим себе ограничиться приведенными выше краткими сведениями о нем, адресовав заинтересованного читателя к публикациям эпистолярного наследия Маклакова, а также к работам об этом незаурядном человеке, выходившим за последние полвека, но особенно интенсивно – в недавние годы. Некоторые из этих текстов появились на страницах *Ab Imperio*.[7]

---

[5] Алданов. К 80-летию В. А. Маклакова // В. А. Маклаков. Речи. Париж, 1949. С. 12.
[6] А. И. Серков. Русское масонство. 1731-2000 гг.: Энциклопедический словарь. Москва, 2001. С. 1187-1193.
[7] См. Г. В. Адамович. Василий Алекеевич Маклаков. Политик, юрист, человек. Париж, 1959; М. Карпович. Два типа русского либерализма: Маклаков и Милюков //

Алданов отправился в США в декабре 1940 г. через Португалию, пароход, вышедший из Лиссабона во второй половине декабря 1940 г., прибыл в Нью-Йорк 9 января 1941 г. Алданов не собирался прозябать в Америке, хотя поначалу, по его собственным словам, сомневался, стоит ли туда отправляться без денег и ясных перспектив заработка. Даже столь неглупому человеку, как Алданов, в конце 1940 года было не вполне ясно, какую угрозу представляет – для него лично, еврея и либерала, – нацизм. Еще в Европе он планирует создание в США газеты и толстого журнала. 1 декабря 1940 г. Алданов сообщал Керенскому о предложении некоего А. И. Коппа дать от 10 до 15 тыс. долларов на создание в США русской еженедельной газеты. Алданов отнесся к этому предложению с энтузиазмом, так определив свое видение направления будущей газеты: "во внешней политике я представляю себе лишь ставку и надежду на победу Англии, а во внутренней – идеи "Новой России"". Напомню, что Англия была в тот момент единственной страной, ведущей войну с Германией. Алданов предлагал Керенскому взяться за редактирование газеты совместно с А. И. Коноваловым, согласием которого он как будто заручился.[8]

Сам Алданов был готов взяться за редактирование литературного отдела и за техническую работу – "как в 'Последних новостях'". Пред-

Новый журнал. Нью-Йорк. 1960. Кн. 60; О. В. Будницкий. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12-26; № 3. С. 64-80; он же. Маклаков и Милюков: два взгляда на русский либерализм // Либерализм в России: исторические судьбы и перспективы. Москва, 1999. С. 416-428; он же. В. А. Маклаков и "еврейский вопрос" // Вестник Еврейского университета. История. Культура. Цивилизация. 1999. №1(19). С. 42-94; он же. Милюков и Маклаков: к истории взаимоотношений. 1917-1939 // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Москва, 2000. С. 358-383; он же. Послы несуществующей страны // "Совершенно лично и доверительно!" Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951. В 3-х томах / Ред., вступ. ст. и комментарии О. В. Будницкого. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. Москва; Стэнфорд, 2001. С. 16-114; он же. Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; Санкт-Петербург, 2001. С. 179-240; О сословном и национальном вопросе в императорской России: Письмо В. А. Маклакова Б. А. Бахметеву от 4 июля 1923 г. / Вступ. ст., публ. и комм. О. В. Будницкого // Ab Imperio. 2001. № 3. 275-297; О. В. Будницкий. А. Маклаков и журнал "Современные записки" // Вокруг редакционного архива "Современных записок" (Париж, 1920–1940) / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва, 2010. С. 203-232; Спор о России: В. А. Маклаков – В. В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост., вступ. ст., комментарии О. В. Будницкого. Москва, 2011 (в печати); Н. И. Дедков. Консервативный либерализм Василия Маклакова. Москва, 2005 и др.

[8] Алданов М. А. – Керенскому А. Ф., 1 декабря 1940 г. // BAR. Aldanov Collection. Box 5.

полагая, что суммы, предложенной Коппом, может не хватить для создания газеты, Алданов предлагал другой вариант – взять в аренду “Новое русское слово”. Уговаривая Керенского согласиться, Алданов писал: “Помимо нашего личного интереса, тут ведь есть большой общий политический интерес. Помните, что это была бы единственная русская газета в мире, – ‘Посл[едние] новости’ навсегда кончились”.[9]

“Что касается меня”, – писал Алданов, – “то я, кроме этого, надеюсь еще на создание толстого журнала, в котором я был бы одним из редакторов (просто в сотрудники я теперь не пошел бы)”. В этом заявлении чувствуется осознание своего изменившегося места в эмигрантской табели о рангах – роль “просто сотрудника” Алданов явно перерос, а в русском Париже все редакторские места были заняты. С другой стороны, претензии Алданова кажутся смешными: ведь несколькими фразами ниже он интересуется, не поможет ли ему с жильем Марья Абрамовна Вишняк, ибо Алдановы слышали, что Вишняки “дешево сняли одну комнату с ванной и кухней. Это именно то, что нам теперь нужно”.[10]

Газету ни учредить, ни арендовать не удалось. А вот планы с журналом осуществились полностью: в 1942 году вышел первый номер “Нового журнала”, ставшего на последующие полвека главным толстым эмигрантским журналом. Продолжает он выходить и до сего дня; однако после 1991 года миссия подобного рода зарубежных изданий изменилась. Алданов сыграл, бесспорно, ключевую роль в создании журнала: разумеется, он мало что смог бы сделать без Марии Самойловны Цетлиной, взявшей на себя в значительной степени финансирование издания (часть денег дал Б. А. Бахметев) и организационные хлопоты, и без своего соредактора Михаила Осиповича Цетлина. Но все же, когда он писал, что “журнал был создан мною”,[11] в этом была значительная доля истины.[12]

В Америке Алданову сопутствовал колоссальный – для писателя-эмигранта – успех: его роман “Начало конца” был выпущен в перево-

---

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Алданов М. А. – Маклакову В. А., 18 апреля 1945 // Hoover Institution Archives (далее – HIA). Stanford University. Maklakov Collection (далее – Maklakov). Box 2. Folder 12 (далее первая цифра обозначает номер коробки, вторая – папки).

[12] См. подробнее Будницкий. “Не погибать же всей зарубежной русской литературе”: к истории создания “Нового журнала” // Периодическая печать российской эмиграции. 1920-2000. Москва, 2009. С. 132-147.

де на английский одним из лучших американских издательств – издательством Чарльза Скрибнера. К апрелю 1945 года было продано уже 314.000 экземпляров. Скрибнер, воодушевленный этим успехом, приобрел права на издание всех остальных книг Алданова.[13] Беженец, приехавший в Нью-Йорк практически без копейки (точнее, без цента) за душой и мечтавший снять подешевле комнату с ванной, стал теперь вполне обеспеченным человеком.

Один из "молодых" эмигрантских писателей межвоенного поколения, Василий Яновский, писал в своих воспоминаниях: "На Монпарнасе шутя утверждали, что после смерти Алданова в зарубежной прессе станет просторно".[14] "Молодые" досадовали, что им не находится места на страницах немногочисленных эмигрантских журналов. С их точки зрения, проза Алданова была старомодна. "Алданов, талантливейший, культурнейший публицист, почему-то задумал писать бесконечные романы. И это была роковая ошибка", – припечатал Яновский.[15] На наш вкус, портреты и очерки Алданова в самом деле выигрывают по сравнению с его романами. Но вот кто помнит и читает, кроме десятка специалистов, прозу Яновского и прочих бывших "молодых", оставшихся в истории литературы по разделу подававших надежды?

Алданов принадлежал к "ордену" русской интеллигенции и был "общественником". Выйдя формально из редакции "Нового журнала" в связи с загруженностью литературной работой, он продолжал, как свидетельствует его переписка, принимать самое живое участие в делах журнала и быть де факто "теневым редактором". В Нью-Йорке Алданов стал членом правления Литературного фонда. Этот опять-таки была не формальная почетная должность: он принимал активное участие в помощи собратьям-литераторам (и не только), в особенности после освобождения Франции.

Со временем круг российских эмигрантских политиков сужался, а партийные разногласия и оттенки, казавшиеся столь существенными в России, стирались. Конфигурация эмигрантских политических группировок менялась, притяжения и отталкивания шли по другим линиям. Ближайшими единомышленниками Алданова в "американский" период были А. И. Коновалов, А. Ф. Керенский и М. М. Карпович, профессор Гарвардского университета, сменивший его на посту соредактора "Нового журнала", а после смерти М. О. Цетлина в 1945 г. ставший едино-

[13] Алданов М.А. – Маклакову В.А., 18 апреля 1945.
[14] В. С. Яновский. Поля Елисейские. Санкт-Петербург, 1993. С. 140-141.
[15] Там же. С. 143.

личным редактором журнала. Хотя, подчеркивал Алданов, “я все-таки во многом не согласен с Александром Федоровичем [Керенским]”.[16]

Современники, писавшие об Алданове, неизменно отмечали его “джентльменство”, корректность, дипломатичность. Алданов умело лавировал в не отличавшемся чрезмерной доброжелательностью литературном мире эмиграции и умудрился “прожить жизнь” в литературе практически без отрицательных рецензий. Однако его дипломатичность не исключала твердости политических убеждений. Алданов был и до конца жизни оставался принципиальным противником большевиков. Хотя он и не отрицал изменений, происходивших в Советском Союзе, и статьи М. В. Вишняка и Г. П. Федотова, стоявших на “твердокаменных” позициях и считавших, что в СССР “все – зло”, вызывали у него, скорее, раздражение. А некоторые тексты Федотова Алданов и вовсе считал “русофобскими”.[17]

Алданов, как и многие другие русские американцы, был неприятно удивлен, если не сказать поражен, известиями из Парижа о том, что некоторые хорошо ему знакомые русские эмигранты ищут сближения с советскими представителями, а то и просто пошли к “советам” на поклон. Об этом (как и о сотрудничестве с нацистами других – а то и тех же самых русских эмигрантов) писал в Нью-Йорк свояк Алданова Я. Б. Полонский, доходила отрывочная и не всегда достоверная информация и по другим каналам. 6 марта 1945 года Алданов писал Керенскому:

> В Париже, по-моему, происходит и с каждым днем будет усиливаться развал политической эмиграции. Ее в самом деле уже больше нет: осталась только колония. За успех люди всегда всем прощали все. А теперь, по-видимому, и Бильянкур, и идейные вожди вроде Одинца… окрылены надеждами: амнистия, служба, места, милости, тридцать пять тысяч курьеров в полпредство и обратно. Думаю, что для громадного большинства ни одна из этих надежд не оправдается, и корыто будет разбито во второй раз – “красная мечта” вслед за “белой мечтой”. Кроме того, отношения между де Голлем и коммунистами портятся. Идейные вожди могут немного испугаться: они ссориться с властями не любят.[18]

Относительно судьбы Франции, ставшей его второй родиной, Алданов был умеренно оптимистичен:

---

[16] Алданов М. А. – Маклакову В. А., 20 июля 1945 // HIA. Maklakov. 2-12.
[17] Алданов М. А. – Вишняку М. В., 12 июля 1945 // HIA. Mark Vishniak Collection. 1-12.
[18] Алданов М. А. – Керенскому А. Ф., 6 марта 1945 г. // BAR. Aldanov. Box 5.

> Коммунисты были бы во Франции всемогущи, если бы Сталин хотел и мог им помогать по-настоящему. Но в Ялте как будто принято решение, что западную Германию будут занимать английские и американские войска. Если так, то "сосредоточение войск на границе" для подкрепления политических требований в данном случае в ближайшие годы окажется невозможным. Своими же силами французские коммунисты едва ли придут к власти. Это подает мне надежду, что, быть может, удастся закончить свои дни в Париже: на Петербург я больше, к большому своему горю, ни малейшей надежды не имею.[19]

Буквально на следующий день после написания этого письма, 7 марта 1945 г., в "Новом русском слове" появилась корреспонденция из Парижа, повергшая Алданова и его единомышленников в шок. В ней сообщалось, что группа русских эмигрантов посетила советское посольство в Париже. Дело было не столько в самом факте "визита", сколько в составе группы: половина людей, поднявших в советском посольстве бокалы за здоровье маршала Сталина, были друзьями или однопартийцами Алданова.

Посольство 12 февраля 1945 г. посетили девять человек. Два адмирала, бывший командующий Балтийским флотом и военно-морской министр Временного правительства Д. Н. Вердеревский и М. А. Кедров, в 1920 г. командующий флотом и начальник морского управления в правительстве П. Н. Врангеля, были приглашены по настоянию посла. Кроме них, были В. А. Маклаков, А. С. Альперин, А. А. Титов, М. М. Тер-Погосян, Е. Ф. Роговский, В. Е. Татаринов и А. Ф. Ступницкий.[20] Альперин и Титов были, как и Алданов, народными социалистами. С Маклаковым он был "на дружеской ноге". В число достаточно близких к Алданову людей входил Тер-Погосян. Все "штатские" были масонами, входившими в те же ложи, что и Алданов. Возможно, по совокупности этих обстоятельств, а также по свойственной ему дипломатичности Алданову пришлось сыграть, пожалуй, ключевую роль в "выяснении отношений" с участниками. Заметим, что эмигрантская политика далеко не всегда была публичной, отчасти ввиду отсутствия печатных "площадей" для обсуждения тех или иных насущных вопросов, отчасти в связи с нежеланием предавать огласке

[19] Алданов М. А. – Керенский А. Ф., 6 марта 1945 г.

[20] Подробнее о визите, его причинах и обстоятельствах, а также о "группе Маклакова" см. О. В. Будницкий. Попытка примирения // Диаспора: Новые материалы. Вып. I. Париж; Санкт-Петербург, 2001. С. 179-240.

существующие разногласия или, по выражению Маклакова, “еретические” мысли. Переписка играла огромную роль в жизни российских интеллектуалов, в архивах сохранились тысячи писем; многие из них скорее напоминают политические или историософские трактаты, а по откровенности и литературной отточенности нередко превосходят опубликованные теми же авторами тексты на те же темы. Исследователи творчества Алданова, вероятно, очень бы удивились, узнав, какие тонкости эмигрантской и “общей” политики обсуждал автор “Истоков” в своей обширной переписке с Маклаковым и насколько он был информированным в этом отношении человеком. Впрочем, сказанное в большей степени относится ко времени Холодной войны. Пока же вернемся в 1945 год.

Эффект, произведенный визитом в среде русской эмиграции, трудно переоценить. Под свежим впечатлением от сообщения о визите В. В. Набоков отправил В. М. Зензинову текст, который тот не без оснований назвал стихотворением в прозе. “Стихотворение в прозе” оказалось, правда, совсем не лирическим:

> В историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а ля фуршет в Париже.
>
> Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет.
>
> И вот, выслушав ответную речь, в которой нам сказали, что вас-де, плюгавых подлюг, Советский Союз знать не знает (и поучитесь-ка у киргизов – а там видно будет), мы закусили грибками в сметане.
>
> Остается набросать квалификацию эмиграции.
>
> Я различаю пять главных разрядов.
>
> Люди обывательского толка, которые невзлюбили большевиков за то, что те у них отобрали землицу, денежки, двенадцать ильфпетровских стульев.
>
> Люди, мечтающие о погромах и румяном царе. Эти обретаются теперь с советами, считаю, что чуют в советском союзе Советский союз русского народа.
>
> Дураки.

> Люди, которые попали за границу по инерции, пошляки и карьеристы, которые преследуют только свою выгоду и служат с легким сердцем любым господам.
>
> Люди порядочные и свободолюбивые, старая гвардия русской интеллигенции, которая непоколебимо презирает насилие над словом, над мыслью, над правдой.[21]

"Как можно не видеть того", – с гневом писал Борису Николаевскому самый "твердокаменный" из эсеров, Марк Вишняк, – "что ДО визита Маклакова… русская эмиграция, плохо ли, хорошо, существовала и делала свое дело, а теперь ЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Существуют отдельные эмигранты или небольшие их кучки – 'тройки' и 'десятки', – которые талдычат по-прежнему и которых, может быть, и уважают, но не слушают. Нет сейчас наглеца и профитера, который не мог бы оспорить Вас, опершись на авторитет Маклакова".[22]

Визит, как и вопрос об отношении к Советскому Союзу в свете той роли, которую он сыграл в разгроме нацизма и изменений, произошедших в стране в годы войны, породил ряд статей на страницах эмигрантской печати и необыкновенно интенсивную переписку по этому поводу, которая могла бы составить объемистый том. В письмах эмигранты были нередко более откровенны, нежели в публичных выступлениях или публикациях в прессе. Среди тех, кто активно участвовал в эпистолярной дискуссии, были А. Ф. Керенский, А. И. Коновалов, М. В. Вишняк, Б. И. Николаевский, Б. И. Элькин, А. А. Гольденвейзер, Е. В. Саблин, Н. А. Саблина, А. А. Титов, С. П. Мельгунов и другие – в общем, едва ли не вся пишущая элита либерально-демократического крыла русской эмиграции.

Для настоящей публикации нами отобраны письма Алданова Б. И. Элькину, его переписка с В. А. Маклаковым, письмо А. А. Титову (предназначенное также Маклакову и Тер-Погосяну); мы включили в подборку также обмен письмами между Маклаковым и А. Ф. Керенским. На наш взгляд, эти тексты, возможно, в наибольшей степени отражают позиции "сторон" и настроения в среде русской эмиграции по обе стороны океана в 1945 году. Одновременно переписка служит материалом для политической биографии Алданова (так же как и его

---

[21] Набоков В. В. – Зензинову В. М., 17.III.1945 // В. В. Набоков. Pro et contra. Т. 2. Санкт-Петербург, 2001. С. 78 (публикация Г. Б. Глушанок).

[22] Вишняк М. В. – Николаевскому Б. И., 10 августа 1945 // HIA. Boris Nicolaevsky Collection. 506-35 (цит. по: Будницкий. Попытка примирения. С. 235).

многолетнего конфидента Маклакова). Несколько слов об адресатах алдановских писем.

Присяжный поверенный Борис Исаакович Элькин (1887–1972) был, как и Алданов, уроженцем Киева; окончил юридический факультет Петербургского университета, сотрудничал в журнале “Право”. В 1919 г. эмигрировал в Берлин, в 1933 перебрался в Париж. Алданов и Элькин, возможно, были знакомы еще по Киеву и, несомненно, пересекались в берлинский (1922–1924) период жизни Алданова, а также в парижский. В Берлине Элькин был членом правления и казначеем комитета помощи русским литераторам и ученым, основателем и членом правления издательства “Слово”. У него была сравнительно обширная адвокатская практика, вел он, среди прочего, литературные дела. В 1939 г. Элькин перебрался в Ирландию, затем обосновался в Англии. Жил он в Эвешэме, близ Оксфорда.

Элькин вел дела и был душеприказчиком А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова, оказывал кое-какие юридические услуги В. А. Маклакову. С этими (и многими другими) нотаблями русской эмиграции он состоял в дружеских отношениях. Иногда Элькина именуют, среди прочего, публицистом; печатался он не слишком часто, но вот писем (причем почти всегда от руки, мелким и четким почерком) написал в своей жизни не одну тысячу. Его письма, как это нередко бывало у русских эмигрантов, иногда напоминают трактаты, если не по объему, то по содержанию. В его архиве в Оксфорде хранятся сотни листов писем к нему Алданова, Л. О. Дан, А. А. Гольденвейзера, Б. К. Зайцева, Е. Д. Кусковой, Маклакова, Я. Б. Полонского, Е. В. Саблина и некоторых других. Письма самого Элькина, бывшего аккуратным корреспондентом, находятся, соответственно, в фондах Алданова и Гольденвейзера в Бахметевском архиве, Маклакова в архиве Гуверовского института в Стэнфорде и некоторых других архивохранилищах. Это один из вариантов эпистолярной летописи интеллектуальной и политической жизни русской эмиграции в 1930-е–1950-е годы. Остается надеяться, что когда-нибудь эта обширная переписка будет опубликована.[23]

---

[23] Подробнее об Элькине и его архиве см. А. Д. Степанский. Россика в британских архивах // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 3-7; А. Рогачевский. Борис Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. V. Иерусалим, 1996. С. 222-243 (Рогачевским опубликовано по одному письму к Элькину Л. О. Дан, М. А. Алданова и А. А. Гольденвейзера); письма Я. Б. Полонского к Элькину опубликованы О. Р. Демидовой: “Крайне тяжелые дни”: Письма из Франции //

Отметим немаловажное обстоятельство, напрямую относящееся к основному сюжету нашей публикации: в годы войны отношение Элькина к советской власти, бывшее ранее совершенно непримиримым, существенно меняется. Его не миновала болезнь советофильства, овладевшая эмигрантскими массами в 1945 году;[24] по своим воззрениям он был, несомненно, ближе к Маклакову, чем к Алданову, чего последний, кажется, не подозревал.

3 июня 1945 г. Элькин писал Маклакову:

> Моя личная реакция на писания Вишняка и Федотова (последний, рассматривая печатаемые в газетах фотографии русских, видит в них преобладание монгольских черт и типов – потому что лица на них, видите ли, так отличны от лиц подвижников на картинах Нестерова!) – это реакция Андрея Болконского на подслушанный им разговор Клаузевица с Вольцогеном[25]… К черту хочется послать этих изуверов доктринерства. Но вот с Алдановым, самым умным из всех наших друзей в Америке, справиться труднее. Он писал мне, что он не разделяет крайних суждений и оценок, но считает, что "визит" был не нужен, ибо он был бесцелен и не даст никаких результатов… Вполне допускаю, что "визит" окажется безрезультатным. Но умонастроение, из которого он вышел, даст один результат, именно – прочищение мозгов под влиянием соприкосновения с реальностями.[26]

Элькин в 1944–1945 гг. стал как бы передаточным звеном между русскими эмигрантами во Франции и США, отчасти по техническим причинам: почтовая связь между Англией и США работала лучше, чем между США и Францией; в свою очередь, известия из Парижа достигали Лондона (и, соответственно, Эвешэма) скорее, чем Нью-Йорка.

Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 1. Иерусалим, 2001. С. 225-248; нами опубликованы некоторые письма к Элькину Л. О. Дан: Будницкий. Завтра не имеет значения. Лидия Дан: Письма о Ленине // Колокол (Лондон). Июль-август. 2002. № 3. С. 66-73. См. также Будницкий. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). Москва, 2005. С. 393-395.

[24] Будницкий. "Советская дипломатия покажет еще англичанам <…> Кузькину мать!" (Из истории "советофильства") // Диаспора: Новые материалы. Вып. VII. Париж; Санкт-Петербург, 2005. С. 510-550.

[25] Имеется в виду восклицание толстовского князя Андрея, услышавшего накануне Бородинского сражения теоретические рассуждения Вольцогена и Клаузевца о военной стратегии: "Они всю Европу отдали ему и приехали нас учить – славные учители!"

[26] Элькин Б. И. – Маклакову В. А., 3 июня 1945 // HIA. Maklakov. 6-29.

Александр Андреевич Титов (1878–1961) был, подобно Алданову, ученым-химиком; однако если Алданов оставил науку ради литературы, то для Титова она осталась увлечением на всю жизнь. Титов получил докторскую степень в Лейпцигском университете в 1903 г. Происходя из купеческой семьи и унаследовав от отца ряд торгово-промышленных предприятий, он сочетал управление ими с преподаванием в Московском народном университете и с общественно-политической деятельностью. Титов был одним из основателей Народно-социалистической партии (1906), членом ее Организационного комитета, участвовал в деятельности Всероссийского Крестьянского союза. С 1914 г. Титов – член Главного комитета Всероссийского союза городов. В мае – сентябре 1917 товарищ (заместитель) министра продовольствия Временного правительства, член Президиума Трудовой народно-социалистической партии. После большевистского переворота Титов стал одним из основателей и руководителей “Союза возрождения России”, принимал участие в переговорах с союзниками об их содействии свержению большевиков. В 1920 г. на процессе по делу “Тактического центра” в Москве был объявлен “врагом народа” и заочно приговорен к расстрелу. С 1920 г. Титов находился в эмиграции в Париже, где основал фармацевтическую фирму “Биотерапия”; он также основал Общество русских химиков во Франции (и был его пожизненным председателем), преподавал в Русском коммерческом институте и Пастеровском институте, был членом правления Русского академического союза во Франции.[27]

Видимо, Александр Федорович Керенский (1881–1970), адвокат, эсер, министр-председатель Временного правительства с 8 июля по 25 октября 1917 г. в специальном представлении не нуждается. Заметим лишь, что за границу он выехал в 1918 г., жил преимущественно в Париже; с 1940 г. в Нью-Йорке.

Все письма, за исключением писем Алданова Элькину от 24 марта и 15 июля 1945 г. (последнее дается нами в извлечениях), публикуются впервые. Указанные письма были опубликованы О. Р. Демидовой,[28] однако мы сочли необходимым включить их в настоящую подборку для цельности и логичности картины. Эти письма публикуются нами по

---

[27] См. подробнее: Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь. Москва, 2010. Т. 2. С. 299-300.

[28] После Парижа: Письма в Англию (из архива Б. И. Элькина). Публ. О. Р. Демидовой // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. Санкт-Петербург, 2001. Vol. III. № 4. С. 217-220, 226-227.

оригиналам, которые находятся в фонде Б. И. Элькина в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета и в фонде В. А. Маклакова в архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

Большинство писем публикуется полностью, однако в некоторых письмах нами опущены фрагменты, не имеющие прямого отношения к основной проблематике эпистолярной дискуссии. Купюры обозначены угловыми скобками. Тексты приведены в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации, однако публикатор стремился в то же время сохранить "дух эпохи" и своеобразие авторского стиля и поэтому оставил некоторые "неправильности" с точки зрения современного русского языка, вроде написания названий месяцев с прописной буквы и т.п.

Очевидные описки исправлены без специальных оговорок. В тех случаях, когда в тексте встречаются явные смысловые противоречия или очевидные погрешности стиля, в квадратных скобках указывается "так!". Воспроизведенные публикатором отдельные слова, части слов, сокращения, имена, фамилии заключены в квадратные скобки. Слова, выделенные корреспондентами, подчеркнуты в тексте; вписанные от руки выделены курсивом.

В заключение считаю приятной обязанностью поблагодарить за содействие в подготовке этой публикации Анатолия Шмелева (Стэнфорд), Татьяну Воронину (Москва), Валери Познер (Париж) и Геннадия Эстрайха (Оксфорд – Нью-Йорк).

SUMMARY

Under the archival rubric, Oleg Budniskii publishes letters by M. A. Aldanov to V. A. Maklakov and B. I. El'kin, Aldanov's letter to A. A. Titov, and the exchange of Maklakov and A. F. Kerenskii. The letters are preserved in Oxford University, Bodleian Library, Department of Western Manuscripts. MS. Russian d. 7. Correspondence of Boris Elkin; Hoover Institution Archives, Vasily Maklakov Collection.

In the Introduction Budnitskii recreates the political and personal contexts of their exchange with a special focus on post–World War II Paris and the new postwar capital of Russian emigration, New York. The letter from Russian New Yorkers to Russian Parisians and vice versa discussed issues of new and old political and personal loyalties, the role of the Soviet

Union in the war and the postwar world as well as the mission of Russian emigration in the new situation. Different wartime personal experiences now defined the stances of people who had known each other for years. The main protagonist of Budnitskii's "Introduction" is Mark Aleksandrovich Aldanov, the well-known writer who left Paris for New York in December 1940. Budnitskii also introduces Aldanov's addressees. They include Vasilii Alekseevich Maklakov, Boris Isaakovich El'kin, Aleksander Andreevich Titov, and Aleksandr Fedorovich Kerenskii. The major event discussed by this circle of people, and is correspondingly considered in the "Introduction," is the well-known visit by a group of nine Paris-based emigrants to the Soviet Embassy that took place on February 12, 1945. This group included Aldanov's friends Maklakov and M. M. Ter-Pogosian and his associates in the party of Popular Socialists, A. S. Al'perin and Titov. The selection of letters pertaining to this "episode" is helpful in revealing the attitudes and moods of Russian emigration from both sides of the ocean. The letters can also be used for political biographies of Aldanov and Maklakov.

ДОКУМЕНТЫ

М. А. Алданов – Б. И. Элькину, 24 марта 1945 г.

109 West 84 St., N.Y. 24

24 марта 1945

Дорогой Борис Исаакович.

Большое спасибо Вам и Анне Александровне[1] за Ваше внимание и участие. Т. М.[2] сама пишет Анне Александровне о себе. Мы оба очень тронуты. Письма идут теперь до изумительного разно: от 10 дней до 2 месяцев. Ваше письмо от 29 января шло бесконечно долго. То же самое – и еще в гораздо большей степени – относится к Франции. Так, я на днях получил от Б. К. Зайцева[3] два письма на расстоянии двух дней, причем первое было от ноября, а второе от конца января!

Со времени моего последнего письма к Вам произошла сенсация: в “Н[овом] Р[усском] Слове”[4] была 7 марта помещена парижская корре-

[1] Анна Александровна Элькина, жена Б. И. Элькина.

[2] Т. М. – Татьяна Марковна Ландау-Алданова (урожд. Зайцева) (1893-1968), жена М. А. Алданова. В первых трех фразах речь идет о реакции Б. И. и А. А. Элькиных на неприятный эпизод, приключившийся с Т. М. Ландау: в декабре 1944 г. она сломала лодыжку.

[3] Борис Константинович Зайцев (1881–1972), русский писатель, с июня 1922 г. в эмиграции в Берлине, с декабря 1923 г. – в Париже.

[4] “Новое русское слово”, – ежедневная русскоязычная газета, выходила в Нью-Йорке (в 1910 – августе 1920 г. называлась “Русское слово”).

споненция Кобецкого[5] о том, что 14 февраля десять более или менее видных людей, во главе со знаменитым человеком, Маклаковым, посетили полпредство,[6] обменялись речами с Богомоловым,[7] выслушали от него инструкцию о том, что надо относиться сочувственно к "Русскому Патриоту"[8] и затем приняли участие в "завтраке а ля фуршет". Корреспонденция, разумеется, была написана в самом восторженном тоне. Волнение в русских группах здесь было, как Вы догадываетесь, большое. О самом завтраке Вы, конечно, уже давно знаете – я сообщаю Вам только об отношении к нему здесь. На следующий же, кажется, день собралось человек двадцать пять политических людей (не было Ке-

[5] Митрополит Евлогий и В. А. Маклаков посетили советского посла Богомолова // Новое русское слово. 1945. 7 марта. Яков Яковлевич Кобецкий (1883–1946), журналист, в эмиграции с 1919 г., в довоенный период – редактор биржевого отдела "Последних новостей".

[6] На самом деле визит состоялся 12 февраля 1945 г.; в состав группы, посетившей посольство, входило девять человек.

[7] Александр Ефремович Богомолов (1900–1969), советский дипломат, чрезвычайный и полномочный посол. Полномочный представитель, Чрезвычайный и полномочный посол во Франции в 1940–1941, Полномочный представитель СССР при Французском комитете национального освобождения в 1943–1944 гг., Чрезвычайный и полномочный посол во Франции в 1944–1950 гг. Политика советской власти в отношении эмиграции несколько изменилась к концу войны: наряду с репрессиями в отношении тех, кто оказался на оккупированных Красной армией территориях и кого советская власть считала своим непримиримым противником, были предприняты шаги, направленные на разложение эмиграции "мирным путем", на создание возможности для возвращения эмигрантов на родину, разумеется, при условии безоговорочного признания ими советской власти. Изменение отношения к эмиграции выразилось в таких ранее невероятных вещах, как посещение советским послом эмигрантского театра. Со своей стороны, эмигранты с любопытством присматривались к советским представителям в Париже. Так, В. Н. Бунина делилась впечатлениями о советском после, которого увидела на спектакле в эмигрантском Русском театре: "Был на этом спектакле сам Богомолов, сидел в четвертом ряду. Я видела его издали, как он разговаривал с одной нашей общей знакомой. По внешности он мне понравился: высокий, в очках, лысеющий, с острым приятным лицом. Возмущался, по словам нашей знакомой, что русский язык очень в эмиграции загрязнен: "например, говорят "камионы" вместо грузовики!". Сказал, что купил книгу Бунина: "Вот у него язык не загрязнен…" Жена его хорошенькая, скорее похожа на эмигрантку, чем на советскую женщину. Темные волосы до плеч, правильные черты лица, стройная тонкая фигура" (В. Н. Бунина – Т. М. Ландау, 28 октября 1945 г. // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. Москва, 2004. С. 381).

[8] "Русский патриот": Орган Союза русских патриотов во Франции. 1943 – 17 марта 1945 г. С 24 марта 1945 г. стал называться "Советский патриот". Нелегальный листок, затем легальная газета, издававшаяся в Париже. Газета антинацистской, просоветской направленности.

ренского – он в лекционном турне). Негодование среди эс-эров и эс-деков было невероятное и настроение единодушное. Только четыре человека из 25 высказались против резолюций и прочего – до получения более точной информации. К этим четырем принадлежали А. И. Коновалов[9] и я (а потом к нам присоединился и Александр Федорович [Керенский]). Я, в частности, доказывал, что Василий Алексеевич [Маклаков], умнейший человек, не мог произнести ту бессмысленную речь, которую ему вложил в уста Кобецкий. Наше выступление вызвало холод, но все-таки резолюция принята не была. Коновалов послал Маклакову телеграмму с запросом и вчера получил ответ: "Иньоре артикль Кобецки. Кан ву ресеврэ нотр леттр докюмантэ, ву шанжерэ сертэнеман д-эмпрессион.[10] Маклаков, Титов, Альперин,[11] Тер-

[9] Александр Иванович Коновалов (1875–1948), крупный предприниматель, председатель правления Товарищества мануфактур "Иван Коновалов с сыном". В 1905 г. – один из организаторов Торгово-промышленной партии; с 1907 издатель (совместно с П. П. и В. П. Рябушинскими) газеты "Утро России", пытавшейся играть роль рупора российской буржуазии. Один из основателей (1912) и лидеров партии прогрессистов. Депутат 4-й Государственной думы. Занимал посты министра торговли и промышленности (март – июль) и заместителя министра-председателя Временного правительства (сентябрь – октябрь 1917 г.). В июле 1917 г. вступил в партию кадетов, вошел в ее ЦК. С 1918 г. – в эмиграции в Париже. В 1921 г. вступил в Республиканско-демократическую группу П. Н. Милюкова. С 1924 г. – председатель Совета общественных организаций, объединившего левые круги эмиграции. В 1924–1940 гг. – председатель правления газеты "Последние новости". С июня 1941 г. – в Нью-Йорке.

[10] Франц.: Не обращайте внимания на статью Кобецкого. Когда Вы получите наше подробное письмо, Ваше впечатление наверняка изменится.

[11] Абрам Самойлович Альперин (1881–1968), юрист, помощник присяжного поверенного, общественный деятель, предприниматель; участвовал в создании антибольшевистских казачьих формирований на Дону, с 1919 г. в эмиграции в Париже, один из директоров фабрики "Биотерапия". В июне 1941 г. Альперин, как и многие бывшие подданные Российской империи, был заключен нацистами в концлагерь в Компьене, где товарищи по заключению выбрали его старостой. Затем Альперин был переведен в концлагерь Дранси, откуда освобожден в ноябре 1942 г. После освобождения – руководитель еврейского движения Сопротивления в оккупированной зоне Франции. Известный писатель Г. О. Газданов подчеркивал власть Альперина над людьми, объясняя ее "его несравненным обаянием и его исключительными душевными качествами". Именно исключительным обаянием Альперина он, может быть несколько наивно, объяснял то, что на Альперина никто не донес, когда тот, не скрываясь, ходил по Парижу в период облав на евреев (Г. Газданов. Памяти Альперина // Русская мысль. 1968. 17 октября). См. подробнее А. И. Серков. Русское масонство 1731-2000: Энциклопедический словарь. Москва, 2001. С. 54-55; Будницкий. Российские евреи между красными и белыми (1917-1920). Москва, 2005. С. 183-184; Российское зарубежье во Франции: Биографический словарь. Москва, 2008. Т. 1. С. 46-47.

Погосян[12]". Будем ждать теперь писем. Вы справедливо скажете, что если бы собрание в 25 человек и приняло резкую резолюцию, то это мирового значения не имело бы. Конечно. Однако участникам "завтрака а ля фуршет" было бы, вероятно, тяжело, если бы с ними порвали друзья всей их жизни. А некоторые эс-эры говорили даже о необходимости исключения из партии двух участников "завтрака а ля фуршет" – эс-эров (Тер-Погосяна и Роговского[13]). О том, что послужило причиной странного акта 14 февраля, у нас есть только догадки. Вероятно, было сильное давление франц[узского] правит[ельства]. Любопытно и то, что подписались под ответной телеграммой Коновалову четыре человека, притом именно те из десяти, которые нас только и интересовали (Ступницкий[14] или Одинец[15] никому не интересны). Они, очевидно,

---

[12] Михаил Матвеевич Тер-Погосян (Тер-Погосьян) (1890–1967), помощник присяжного поверенного, журналист; эсер; в 1917 г. состоял в распоряжении военного министра (А. Ф. Керенского); участник Гражданской войны, воевал против большевиков на юге России, в Закавказье и Персии. С 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1925 г. в Париже. Сотрудник газеты "Дни" в 1923-1927 гг.; директор Кинематографического общества.

[13] Евгений Францевич Роговский (1888–1950), присяжный поверенный, эсер, депутат Учредительного собрания, в 1918 г. председатель Совета управляющих ведомствами ("премьер-министр") и управляющий Ведомством государственной охраны Комуча (Комитет членов Учредительного собрания) в Самаре, товарищ председателя Государственного совещания в Уфе, в ноябре 1918 г. товарищ министра внутренних дел Временного Всероссийского правительства в Омске. Во время колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. арестован вместе с другими эсерами – членами коалиционного правительства (Н. Д. Авксентьевым и В. М. Зензиновым) и выслан за границу. В эмиграции в Париже, член правления, затем член исполнительного комитета Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Участник движения Сопротивления.

[14] Арсений Федорович Ступницкий (1893–1951), по образованию юрист; поручик, служил в Добровольческой армии, затем в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Париже, журналист, сотрудник "Последних новостей", с 1945 г. редактор газеты "Русские новости" (1945–1951).

[15] Дмитрий Михайлович Одинец (1883–1950), историк, общественно-политический деятель. Член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, министр великорусских дел в правительстве Украинской народной республики (1917–1918), председатель киевского комитета "Союза возрождения России" (1918–1919). В эмиграции с 1920 г. сначала в Белграде, затем в Варшаве; сотрудничал с Б. В. Савинковым, в 1921 г. выслан из Польши, обосновался в Париже. Преподавал русскую историю и историю русского права в различных французских и эмигрантских высших учебных заведениях, был генеральным секретарем Русского академического союза во Франции; основал Русский педагогический союз во Франции, избирался его председателем, с 1933 г. – председатель правления Тургеневской библиотеки.

противопоставляют себя другим. От себя скажу, что если “лэттр докюмантэ” и не прибавит, т.е. если и не изменит ничего в статье Кобецкого, то лично я все равно не приму участия ни в каких актах и резолюциях, считая, что каждый человек имеет полное право в любой день признать всю свою жизнь ошибкой и поднять белый флаг. Привлекательного в этом немного, но право совершенно бесспорно. Все это не имеет отношения к переменам в СССР, к победоносной войне и т.д. Я всегда был и остаюсь счастлив, что Россия побеждает, идет от победы к победе. Признаю, что есть немало правды в предсмертной статье Милюкова[16] (скажем, 25 %). Не стою на “твердокаменной” позиции Вишняка[17]– Федотова[18] – там, мол, все – зло – и никогда не стоял.

---

22 июня 1941 г. был арестован и интернирован в концлагерь Компьен. После освобождения участвовал в движении Сопротивления, вступил в Союз русских патриотов, печатался в газете “Русский патриот”. Алданов воспроизводит ошибочные сведения – Одинец в “группу Маклакова” не входил и в посольстве в этот день не был. См. подробнее: А. Скоробогатов. Фонд историка Д. М. Одинца в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета // Ab Imperio. 2001. № 1-2. С. 305-318; Будницкий. К истории русской эмиграции во Франции: по поводу публикации в AI № 1-2/2001 // Ab Imperio. 2001. № 3. С. 267-272.

[16] Павел Николаевич Милюков (1859–1943), лидер образованной по его инициативе Парижской демократической группы Партии народной свободы (кадетов), редактор газеты “Последние новости”. Речь идет о статье П. Н. Милюкова “Правда большевизма” (впервые выдержки из нее под названием “Правда о большевизме” были опубликованы в газете “Русский патриот”). Статья Милюкова была ответом на статью его многолетнего сотрудника М. В. Вишняка “Правда антибольшевизма” (Новый журнал. 1943. № 2. С. 206-224). В своей статье Милюков указывал на некоторые достижения советской власти и отмечал дипломатические и военные заслуги советского руководства.

[17] Марк Вениаминович Вишняк (1883–1975), публицист, мемуарист, общественно-политический деятель; эсер, секретарь Учредительного собрания. С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1920 г. один из редакторов и секретарь редакции парижских “Современных записок”. В 1940 г. уехал из Франции в США, в 1943–1946 гг. преподавал русский язык в Корнеллском и Колорадском (Боулдер) университетах, с 1946 г. – консультант по российским проблемам еженедельника “Тайм”.

[18] Георгий Петрович Федотов (1886–1951), историк, публицист, философ. Участвовал в социал-демократическом движении, однако затем от революционной деятельности отошел. В 1917–1924 гг. преподавал историю Средних веков в Саратовском университете. С 1925 г. в эмиграции в Берлине, затем в Париже. В 1926–1940 – профессор Православного богословского института в Париже. В 1931–1939 редактировал журнал “Новый Град”. Вскоре после оккупации Франции нацистами эмигрировал в США. С 1943 был профессором Свято-Владимирской православной семинарии в Нью-Йорке. Печатался в “Новом журнале” и “За Свободу”.

Но в основных идеях были правы мы, а не они – куда бы жизнь ни пошла. И завтракать а ля фуршет с тостами в честь одного господина у меня нет ни малейшего желания. Пользы же от этого не видно (может быть письмо В[асилия] Ал[ексеевича] объяснит ее): едва ли господин объявит амнистию и даст конституцию оттого, что у него позавтракало 10 эмигрантов (некоторые по соображениям чистым и благородным, как Маклаков, Тер-Погосян, Альперин, а некоторые другие по соображениям карьерным). В. Сирин[19] написал Зензинову[20] письмо об этой сенсации – в очень сильных выражениях,[21] которые не могу повторить (он крайний антибольшевик).

Извините, что пишу об этом бессвязно (очень устал) и что говорю о себе. Напишите, что Вы думаете.

Теперь посылки. Мы (Лит[ературный] Фонд) уже послали во Францию около 150 продовольственных посылок, посылаем и еще. Отправили посылки также другие организации. По слухам, пропадает и расхищается от четверти до трети посылаемого, – как бы не стало еще хуже. Я послал от себя 15 посылок Полонским,[22] 8 – Анне Григорьевне[23] (ей послал еще 4 посылки мой бофрэр[24] Саша). От себя я отправил также по пять посылок Буниным,[25] Зайцевым[26] и по одной или по две-три разным другим старым знакомым и приятелям. Кроме 150 индивидуальных посылок Лит[ературный] Фонд получил в виде исключения разрешение на отправку одного б о л ь ш о г о груза продовольствия по адресу Долгополова[27] для распределения между нуждающимися интеллигентами.

---

[19] В. Сирин – литературный псевдоним писателя Владимира Владимировича Набокова (1899–1977).

[20] Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953), общественно-политический деятель, публицист, мемуарист. Член ЦК партии эсеров. С 1919 в эмиграции в Париже, с 1940 – в Нью-Йорке.

[21] Набоков В. В. – Зензинову В. М., 17.III.1945 // В. В. Набоков. Pro et contra. Т. 2. Санкт-Петербург, 2001. С. 78. См. цитату во введении к настоящей публикации.

[22] Полонский Яков Борисович (1892–1951), публицист и библиограф, был женат на сестре М. А. Алданова Любови Александровне (1893–1963).

[23] Анна Григорьевна Зайцева, теща Алданова (1871–1959).

[24] Бофрэр (beau-frère, франц.) – брат жены.

[25] Близкий друг Алданова русский писатель Иван Алексеевич Бунин (1870–1953) и его жена Вера Николаевна Бунина (урожд. Муромцева) (1881–1961) в описываемое время жили в Грассе, на юге Франции.

[26] Имеются в виду Б. К. Зайцев и его жена Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова) (1878–1965).

[27] Долгополов Николай Саввич (1880–1972), врач, депутат 2-й Государственной думы. Министр здравоохранения в правительстве при Главнокомандующем

Мы единогласно поставили условием, чтобы ни одна посылка не была дана людям, хоть в отдаленной степени повинным в “сотрудничестве” (их, к несчастью, оказалось гораздо больше, чем думали оптимисты). Кстати, Яков Борисович [Полонский] послал прямо Цвибаку[28] корреспонденцию об этих сотрудниках,[29] которая меня чрезвычайно огорчила и расстроила. Я убеждал Цвибака и А. Полякова[30] не печатать эту его статью, – но не убедил, к сожалению. Я считаю, что это не дело печати. Кроме того, очень трудно доказать, что такой-то нажил миллионы на продаже, например, принадлежавших евреям картин.[31]

Разумеется, Василий Алексеевич никак не забыт организациями, отправлявшими посылки. Не забыт, кажется, никто. К сожалению, мы не знали адреса Мельгунова.[32] Не посылаем посылок Гиппиус,[33]

вооруженными силами Юга России в декабре 1919 – марте 1920 г. С 1920 г. – в эмиграции в Париже, принимал деятельное участие в работе различных благотворительных учреждений. В описываемое время – председатель Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (Земгора) в Париже.

[28] Яков Моисеевич Цвибак (лит. псевд. Андрей Седых) (1902–1994), публицист и мемуарист. В эмиграции с 1919 г. в Константинополе, с 1920 – в Париже, с 1942 – в Нью-Йорке. Сотрудник “Последних новостей”, в США – “Нового русского слова”, главным редактором которого стал в 1973 г.

[29] Я. Полонский. Сотрудники Гитлера // Новое русское слово. 1945. 20 марта. С. 2. В статье был приведен длинный список русских эмигрантов, запятнавших себя, по утверждению автора, сотрудничеством с нацистами. Полонским были названы, среди прочих, имена Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, И. Д. Сургучева, С. М. Лифаря, В. Н. Ильина, Н. Н. Берберовой-Макеевой и др.

[30] Александр Абрамович Поляков (1879–1971), журналист. В эмиграции с 1920 г., с 1922 – в Париже, с 1942 – в США. Секретарь редакции, затем заместитель главного редактора газеты “Последние новости”, сотрудник редакции газеты “Новое русское слово”.

[31] В торговле принадлежавшими евреям картинами Я. Б. Полонский в упомянутой выше статье (см. прим. 29) обвинял Николая Васильевича Макеева (1889–1975), художника и публициста, члена партии эсеров, депутата Учредительного собрания. Макеев был мужем Н. Н. Берберовой в 1936–1947 гг. В 1942 г. он открыл картинную галерею и, по утверждению Полонского, завел карточку, на которой значился как Nicolas von Makeev.

[32] Сергей Петрович Мельгунов (1879–1956), историк, публицист, член Трудовой народно-социалистической партии, товарищ председателя ЦК партии. Неоднократно подвергался арестам в Советской России, в 1922 г. выслан из страны. В эмиграции в Берлине, с 1926 г. в Париже.

[33] Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945), поэтесса, прозаик, литературный критик. В эмиграции в 1919–1920 гг. в Польше, с 1920 г. – в Париже. В 1926 г. организовали в Париже литературно-философский салон “Зеленая лампа”. Увлекалась

Шмелеву,[34] Берберовой,[35] Вышеславцеву[36] и многим другим. О них крепко написал Поляков-Литовцев[37] в “Н[овом] Р[усском] Слове”.

Послать Маклакову или кому бы то ни было “Новый Журнал” мы до сих пор не могли: не разрешалось отправлять русские книги во Францию. Несколько дней тому назад разрешение вышло, но установлен предельный вес: 1 фунт. Между тем, “Новый Журнал” весит фунт с четвертью. Очевидно, придется разрезать его на части. Попробуем послать в разрезанном виде Маклакову, Бунину, Зайцеву, Полонскому. Знаю, однако, что Вас[илий] Алексеевич читал седьмую книгу журнала, – он об этом упоминает и расспрашивает. Он сообщил Коновалову, что написал мне. Я его письма не получил.

Не могу понять, что происходит с номерами, высланными Вам. Цетлина[38] мне сообщила, что последний вернулся! Между тем адрес, по ее словам, был правильный. Девятую книгу я послал Вам собственноручно.

сначала итальянским фашизмом и его лидером Муссолини, при встрече с которым Д. С. Мережковский сравнил его с Данте. З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский приветствовали нацистов, полагая, что Гитлер сможет освободить Россию от большевизма.

[34] Иван Сергеевич Шмелев (1873–1950), прозаик; публиковался в нацистском “Парижском вестнике”, а также в русскоязычных газетах, выходивших в Германии.

[35] Нина Николаевна Берберова (1901–1993), прозаик, сотрудник газеты “Последние новости”. В нацистских изданиях не печаталась, однако в частных разговорах и переписке высказывала симпатии к нацистам, звала уехавшего на юг Франции И. А. Бунина вернуться в оккупированный Париж. Эти письма, а также очевидное материальное благополучие Берберовой и ее мужа Н. В. Макеева, открывшего картинную галерею и торговавшего, по мнению многих эмигрантов, конфискованными у евреев картинами, создали ей репутацию коллаборационистки. См. подробнее: Будницкий. “Дело” Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 141-173.

[36] Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954), русский философ, религиозный мыслитель. С 1917 – профессор философии права Московского университета. В 1922 был выслан из Советской России. В эмиграции в Берлине, с 1923 в Париже. Сотрудничал в нацистских изданиях, уехал в Германию. Впоследствии (1946 г.) поселился в Швейцарии, опасаясь предстать перед французским судом.

[37] Соломон Львович Поляков-Литовцев (наст. фам. Поляков) (1875–1945), журналист, драматург, публицист, мемуарист. В России служил корреспондентом газеты “Речь” в Государственной думе. С 1915 г. в Англии, корреспондент газеты “Русское слово”. В Россию не вернулся, жил в Париже, Берлине, с 1921 г. – в Париже, где был сотрудником “Последних новостей”, с 1940 – в Нью-Йорке.

[38] Мария Самойловна Цетлина (урожд. Тумаркина) (1882–1976), жена М. О. Цетлина, была одним из инициаторов издания “Нового журнала”, поначалу выполняла функции его администратора и секретаря.

Шлю Вам самый сердечный привет. Просьба к Вам: не согласитесь ли послать Б. К. Зайцеву (B. Zaitsev, 110 rue Thiers, Boulogne s/Seine) прилагаемую копию моего письма Бунину. По моим предположениям, Иван Алексеевич [Бунин] уже находится в Париже.[39] Оригинал письма я отправил ему в Грасс, но, быть может, копия дойдет скорее. Письмо касается и Бориса Константиновича [Зайцева] – "с.о."[40] не нужно. Заранее очень благодарю.

Целую ручки Анне Александровне. Привет Ал[ександру] Б[орисовичу][41] и его жене.

Ваш М. Ландау

Бромберг[42] *действительно кладезь знаний, вроде Делевского.*[43] *Пишет он мало. Примыкает к евразийцам!!*

Машинопись. Подлинник.

Oxford University, Bodleian Library, Department of Western Manuscripts (далее – Bodleian). MS. Russian d. 7. Correspondence of Boris Elkin (далее – Elkin). Л. 24-24 об.

---

[39] На самом деле Бунины вернулись в Париж 3 мая 1945 г.

[40] с.о. (обычно c/o) – для передачи (от англ. care of).

[41] Александр Борисович Элькин (1909–2001), сын Б. И. Элькина.

[42] Яков Абрамович Бромберг (1898–1948), историк-евразиец, автор работ по истории евреев.

[43] Ю. Делевский – лит. псевдоним Якова Лазаревича Юделевского (1868–1957), эсера, публициста и ученого-геолога. Юделевского, закончившего юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета, а также математический факультет Сорбонны и Горный институт в Париже, отличала широта познаний и интересов. Его перу принадлежали работы по философии, социологии, учебник грамматики испанского языка. Юделевский служил горным инженером во Франции, в Африке, в Аргентине, был руководителем геологоразведочных экспедиций во Франции, Испании, Тунисе, Алжире и др. странах, почетным членом Астрономического общества Франции. Выпустил на французском языке более 20 книг, много печатался в русской эмигрантской печати; автор одной из первых книг, в которой исследовалось происхождение "Протоколов сионских мудрецов": "Протоколы сионских мудрецов" (История одного подлога). Берлин, 1923. В эмиграции во Франции (по "революционной линии") с 1900 г., с 1941 г. – в Нью-Йорке.

М. А. Алданов – В. А. Маклакову, 18 апреля 1945

109 West 84 Str., New York 24

Written in Russian
En russe

18 апреля 1945

Дорогой Василий Алексеевич.

Получил Вашу открытку, она шла очень долго (так было вначале). Большое Вам спасибо. А. И. Коновалов читает Александру Федоровичу [Керенскому] и мне, как ближайшим единомышленникам, все получающиеся от вас и вообще из Франции письма. Я тоже делюсь с ними тем, что получаю я – из Парижа и из Лондона. Теперь и мы трое, и, разумеется, не мы одни, с величайшим нетерпением ждем того "документированного письма", которое Вы, Ал[ександр] Андр[еевич] [Титов], Абрам Сам[ойлович] [Альперин] и Мих[аил] Матвеевич [Тер-Погосян] обещали прислать в телеграмме Александру Ивановичу [Коновалову]. По нашим расчетам, оно должно прийти со дня на день. О политике Вам писали другие. Я поэтому не пишу. Каждый поступает по своему пониманию событий, и едва ли кто-либо кого-либо переубедит.

Мы Вам (а также Бунину, Зайцеву и Полонскому) послали все номера "Нового Журнала", начиная с 4-го. Первая и третья книга распроданы. Вынуждены были послать в разрезанном (на две части) виде, так как отсюда почта принимает только печатный материал весом в фунт, а "Новый журнал" весит фунт с четвертью. Скоро выходит десятая книга. Журнал был создан мною, но я от него *несколько* отошел, так как он отнимал у меня слишком много времени. Редакторы: М. М. Карпович[44] и М. О. Цетлин,[45] а я им в меру сил помогаю. Этот орган довольно широкой коалиции, от Г. П. Федотова и М. В. Вишняка, статьям которых я далеко не всегда сочувствую, до

[44] Михаил Михайлович Карпович (1888–1959), историк, профессор Гарвардского университета. За границу выехал в 1917 г. в качестве секретаря посла Временного правительства в США Б. А. Бахметева. С 1943 соредактор, в 1945–1959 – главный редактор "Нового журнала".

[45] Михаил Осипович Цетлин (лит. псевд. Амари) (1882–1945), поэт, прозаик, литературный критик. С 1919 г. в эмиграции во Франции, с 1940 – в США. В 1920–1940 – редактор отдела поэзии "Современных записок"; один из основателей "Нового журнала" и его редактор в 1942-1945 гг.

Н. С. Тимашева[46] и А. Ф. Керенского, с которыми соглашаюсь в очень многом, *хотя* не во всем (Вы видите, что "от-до" теперь проходит не в зависимости от "левизны"). Не склонны ли Вы писать у нас? Возможно, что Вы теперь выходите из пределов коалиции "Нового Журнала", но это нам не помешает с радостью напечатать Вашу политическую статью "в порядке дискуссии", а Ваши воспоминания (отрывки из тех двух томов, которые Вы, говорят, написали в последнее время) без всяких оговорок. Думаю, что Карпович и Цетлин совершенно со мной согласны. Мы надеемся на сотрудничество Бунина, Зайцева, Адамовича,[47] Церетели,[48] Мельгунова *и, б.м., Бердяева.*[49] Разумеется, не может быть речи о том, чтобы мы поместили писания беллетристов или публицистов, которые сотрудничали с немцами или торговали с ними. В этом отношении русская колония в Америке настроена совершенно непримиримо. Наш Литературный Фонд принял, например, единогласно постановление не оказывать ни малейшей помощи деньгами и посылками лицам этих двух категорий. Кстати, получили ли Вы продовольственные посылки? И пришел ли, наконец, большой груз продовольствия, одежды, обуви, отправленный здешними организациями на имя Н. С. Долгополова? Это дело стоило большого труда им. Если оно выйдет, мы будем продолжать его. Иначе придется ограничиться почтовыми посылками

---

[46] Николай Сергеевич Тимашев (1886–1970), социолог, правовед, публицист, общественный деятель. Преподавал в Санкт-Петербургском университете и Петроградском политехническом институте. В эмиграции с 1921 г. сначала в Финляндии, затем в Берлине, в 1923–1927 гг. в Праге, преподавал на Русском юридическом факультете. В 1927 г. переехал в Париж. Преподавал во Франко-русском институте, в Славянском институте Сорбонны. Сотрудничал в газете "Возрождение". В 1936 г. переехал в США, преподавал в Гарвардском университете, в 1940-1957 гг. профессор социологии Фордэмского университета (Нью-Йорк).

[47] Георгий Викторович Адамович (1894–1972), литературный критик, поэт. В эмиграции с 1922 г. в Берлине, с 1923 – в Париже.

[48] Ираклий Георгиевич Церетели (1881–1959), социал-демократ (меньшевик); депутат 2-й Государственной думы. В 1917 г. один из руководителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; в мае – июле 1917 г. – министр почт и телеграфов Временного правительства. С 8 по 24 июля по совместительству министр внутренних дел. В начале 1918 г. уехал в Грузию. С 1921 г. в эмиграции в Париже, с 1940 – в Нью-Йорке.

[49] Николай Александрович Бердяев (1874–1948), русский религиозный философ; в 1922 г. выслан из Советской России, жил в Берлине (1922–1924), затем в Париже и Кламаре под Парижем.

по 4,4 фунта. Их Литературный Фонд уже отправил во Францию более двухсот. […][50]

Машинопись. Подлинник.

Hoover Institution Archives (далее – HIA), Vasily Maklakov Collection (далее – Maklakov), Box 2, Folder 12 (далее первая цифра обозначает коробку, вторая – папку).

В. А. Маклаков – Б. И. Элькину, 15 мая 1945

Париж, 15 Мая 1945 г.

Дорогой Борис Исаакович,

Сегодня получил Ваше письмо от 9 Апреля. Эта медлительность положительно недостойна цивилизованных государств и отбивает охоту переписываться.

После Вашего письма Фальковский[51] ходил в мэрию. Прилагаю копию его письма ко мне. Я по-прежнему думаю, что хозяин Ваш остался типичным французом, который не гнушается грошовыми выгодами и хочет взыскивать с Вас за квартиру и создать для этого аргумент в свою пользу. А пока Ваши вещи будет держать как залог, да еще взыскивать с Вас за хранение.[52]

Мне очень интересны и ценны Ваши сведения об Америке; они совпадают с моими; мне писал и Коновалов, и Николаевский.[53] Алданов молчит. О статье Полякова[54] слышал, но ее не читал, и мне интересно Ваше изложение ее. Но как мог Поляков судить о моей речи? Или она

---

[50] Выпущена часть письма, посвященная проблеме получения Алдановым визы для поездки во Францию.

[51] Евгений Адамович Фальковский (1879–1951), присяжный поверенный, адвокат; член партии народных социалистов. В эмиграции сначала в Константинополе, в 1922–1938 в Берлине, был главой Нансеновского офиса (Nansenamt). С 1938 года в Париже, работал в Офисе по делам русской эмиграции, возглавлявшемся Маклаковым.

[52] Речь идет о попытках Элькина вернуть мебель, оставшуюся в его съемной квартире в Париже.

[53] Борис Иванович Николаевский (1887–1966), социал-демократ, член ЦК партии меньшевиков, историк и архивист, публицист, автор многочисленных исследований по истории русского революционного движения. В 1922 г. выслан из Советской России, в 1922–1933 – в Берлине, 1933–1940 – в Париже, с 1940 г. – в Нью-Йорке.

[54] С. Л. Поляков-Литовцев. Эмигранты в советском посольстве // Новое русское слово. 25 марта 1945.

туда дошла? Ведь и Вы ее не читали. В статье Кобецкого все было гнусно искажено и так, что меня самого от моей речи стошнило. Я знаю, что туда собирались послать краткое изложение речей, но не знаю, что послали. Очевидно, кто-то ее сохранил и раздает.

С Поляковской аргументацией я совершенно согласен.[55] Это – главное. Мы понимали и чувствовали, что "советская власть" нас спасает, что ее крушение – наша гибель. И заранее были готовы все ей простить, если она устоит. После этого мы не могли смотреть на нее по-прежнему. Но это эмоциональное соображение не все. Поляков не видал другого. Он не переживал с нами поведения наших русских германофилов, холопства перед Гитлером и Германией, антисемитских воплей, которых мы в старой России не слыхивали, и все это во имя непризнания "советской власти". Быть с ними в этот момент, говорить с ними на одном языке и ругать Советы, даже за то, что в них можно ругать, было бы то же, что во время "погрома" разбирать подлинные недостатки евреев. Мы могли говорить и думать, как ни гнусны большевики, немцы много хуже. И такие переживания обязывают.

Но про дома суа[56] скажу и последнее. Я присяжный защитник "эмиграции". Эта моя миссия не была еще окончена. И я видел ясно, что после всего того, что наши германофилы здесь делали, после негодования, которое они во всех возбудили, рассчитывать на льготы и преимущества, на конвенцию и т.п. потому, что мы "враги советов", было бессмысленно. Если отдельные лица вроде Нольде[57] или Деникина[58] могли жить старыми капиталами, то рядовая эмиграция должна была тон свой изменить. И я считал своим долгом использовать для нее этот момент, сделать так, чтобы она могла этим изменением только себя не унизить.

И последнее. Кроме нас, в Париже есть "патриоты". Одинец, который принялся, как лакей, переменивший господ, славословить советскую власть "безоговорочно" и с "раболепством". И все, кто не стоял на непримиримой позиции, шли к ним и с ними. Надо было показать, что

[55] С. Л. Поляков-Литовцев среди прочего писал, что для "оборонцев" критика советского режима в годы войны была психологически невозможной, даже абсурдной.
[56] Pro domo sua (лат.) – в свою защиту (букв. "за свой дом").
[57] Борис Эммануилович Нольде (1876–1948), барон; юрист, специалист в области международного права; член партии кадетов. В 1917 г. заместитель министра иностранных дел в первом составе Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции в Париже. Автор многочисленных исторических и историко-юридических работ.
[58] Антон Иванович Деникин (1872–1947), генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения. В эмиграции в 1920 г. в Англии, в 1920-1922 – в Бельгии, в 1922-1924 – в Венгрии, с 1926 г. во Франции, с 1945 г. в США.

это не необходимо, что можно было не быть ни “Хлестаковым”, который якобы “борется”, ни “ренегатом”, который плюет в прежних богов.

Вот все, что было ясно. Наши друзья, уехавшие в Америку, это не испытывали, и это их счастье. Но что они нас “осуждают”, не понимая, в чем дело, им чести не делает, и, право, мне на них [так!] обидно. Не думали же они, что мы подкуплены или испугались. И мои дружеские чувства к ним очень уменьшились.

Теперь вот что. Я послал протокол Саблину[59] 4-го Мая. Просил его из рук не выпускать. Это к Вам не относится. Однако ж Вам даю на одинаковых условиях – не давать никому другому. Здесь был Новицкий[60] и я дал ему прочесть у себя. Других не знаю и не даю. Но Вы его прочтите.

Журнал здесь выйдет 17 Мая;[61] у меня была статья, но она не пойдет в 1-ый номер, а во второй.[62] От этой статьи падают в обморок и справа и слева, но считаю ее правильной и не отрекаюсь. Советы будут недовольны, но я ими тоже.

О втором свидании с Богомоловым 9 Апреля я Вам послал самому [так!]. Главное я Вам изложил. Саблину писал о том же 4 Мая. Чего Вы еще хотите? Для курьеза посылаю копию протокола об одном заседании, бывшем на [одно слово неразборчиво от руки]; но я не ручаюсь за точность и потому не распространяйте.

Ваш Маклаков

Машинопись. Подлинник.
Bodleian. MS. Russian d. 4. Elkin. Л. 24-25.

---

[59] Евгений Васильевич Саблин (1875–1949), карьерный дипломат; с 1915 г. – первый секретарь российского посольства в Лондоне, поверенный в делах в 1919–1921 гг., до признания Англией СССР де факто в 1921 г. Удерживал за собой здание посольства до 1924 г. Являлся представителем русских эмигрантов в Англии; в 1924 г. приобрел в Кенсингтоне, посольском квартале Лондона, особняк, получивший название “Русского дома”. “Русский дом” стал центром русской колонии. Саблин, как и его жена Надежда Ивановна, состоял в многолетней переписке с В. А. Маклаковым. Под протоколом подразумевается запись речей, которыми обменялись во время визита 12 февраля 1945 г. советский посол и члены “группы Маклакова”.

[60] Владимир Иосифович Новицкий (1890–1968), финансист, в 1919 г. заместитель министра финансов в правительстве А. В. Колчака, с 1920 г. в Вашингтоне, затем в Лондоне, с 1921 г. в Париже, с 1924 г. в Лондоне, где стал одним из директоров London & Eastern Trade Bank. В этом банке хранилась часть средств, находившихся в распоряжении Совета послов, председателем которого с 1932 г. был В. А. Маклаков. См. подробнее: Будницкий. Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957. Москва, 2008.

[61] Речь идет о еженедельнике “Русские новости”.

[62] Речь идет о статье В. А. Маклакова “Советская власть и эмиграция”.

В. А. Маклаков – М. А. Алданову, 25 мая 1945 г.

Париж, 25 Мая 1945 г.

Дорогой Марк Александрович,

Начну с дела, а о политике после. Я получил две книжки “Нового Журнала”, седьмую и восьмую; не в разрезанном виде, значит не те экземпляры, которые Вы послали. Кажется, их привез Андерсон;[63] еще я получил, не знаю от кого, один номер “За Свободу” и один “Социалистический Вестник”. Это очень мало, чтобы понимать Ваши настроения; но это уже я захватываю политику. […][64]

Вы очень удивили, хотя и польстили меня [так!] предложением писать у Вас, в “Новом Журнале”. При удручающей медлительности писем и невозможности, несмотря на все старания, достать Ваш журнал, и поэтому невозможности за ним следить – очень трудно что-либо писать. Ведь я только теперь начинаю понимать, в чем наши различия, т.к. мы, не я один, не предполагали, чтобы Вы так с нами разошлись. Если бы Вы ощутили весь ужас и разврат оккупации и перспективу немецкой победы, представляли себе, что это счастие было бы для России и понимали, что спасти от него может только советская власть, и одновременно видели наших германофилов, которые помогали немцам “для освобождения России” – то Вы бы не удивлялись, не хотели быть вместе с ними и чем-то их поддерживать; отсюда мы естественно ощутили, что мы ближе к советам, чем к Германии и германофилам, и считали, что их победа была бы трагичнее для России, чем продолжение советских бесчинств, которые сами готовили себе противоядие. Это я говорю не затем, чтобы Вас переубедить, а чтобы показать, как в этих условиях отчуждения трудно писать на злободневные темы. Что же касается до “воспоминаний” – то был напечатан [в] оккупации том о 1-ой Государственной Думе (вышел теперь); не знаю, дошел ли он до Америки; его издал “Петрополис”,[65] но

[63] Пол (Павел Францевич) Андерсон (1894–1985), общественный и религиозный деятель; американец по происхождению, посвятил большую часть своей жизни русским делам, в том числе помощи российским эмигрантам. Среди прочего организатор и многолетний глава русского издательства YMCA-Press, содействовал Русскому христианскому студенческому движению, был одним из основателей Свято-Сергиевского православного института в Париже.

[64] Выпущена часть письма, посвященная проблеме получения Алдановым визы для поездки во Францию.

[65] В. Маклаков. Первая Государственная Дума (Воспоминания современника). Париж, 1939. В выходных данных издательство не указано. Таким образом, книга

за отсутствием бумаги в очень малом числе экземпляров. Очевидно, он не годится для книжки; у меня еще написан том о 2-ой Государственной Думе (не напечатан), но не думаю, чтобы отрывки из него могли быть интересны. Интересен он только [в] целом, как и том о 1-ой Думе. Вот Вам ответ на Ваше предложение, если только оно было серьезно, а не ради любезности.

Нужно сказать, что я собрался подать фигурально в отставку от всех должностей и остаток моих дней заниматься только созерцанием того, что происходит. Надо уметь сходить со сцены вовремя; а для меня время настало. Третьего дня мне минуло 76 лет, будущего у меня уже нет, а жить только "воспоминаниями" можно только при уверенности, что они будут других интересовать. И, кажется, последнее, что я написал, – это статья для новой газеты (второго еженедельника) на тему о "смысле" теперешней русской эмиграции.[66] За эту статью меня будут винить и у советчиков, и у их врагов. Это моя участь, ибо я все-таки, как говорит Ал. Толстой:

"Двух станов не боец, а только гость случайный".[67]

И так я был всегда и мне меняться уже поздно. И вот, в заключение хочу Вам сказать совсем особое слово о "политике", не с политической, а личной стороны. Говорю его Вам не потому, что очень ценю Ваш талант, но потому, что от Элькина я знаю Вашу позицию относительно нас, отрицательную, но не порицательную; я не собираюсь ни Вас убеждать, ни себя защищать, но мне хочется [пропущено слово], как если бы я Вам сообщал материал для некролога. И делаю это потому,

---

была набрана в 1939 г., отпечатана (по некоторым данным, в количестве 200 экз.) уже после оккупации нацистами Парижа, поступила в продажу после освобождения Франции. Это издание является библиографической редкостью.

[66] В. А. Маклаков. Советская власть и эмиграция // Русские новости. 1945. 25 мая. Под первым еженедельником подразумевается "Советский патриот".

[67] Первая строка (с небольшой неточностью) стихотворения Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). Приведем это стихотворение, неоднократно цитировавшееся Маклаковым в качестве характеристики его политической и жизненной позиции. Стихотворение датируется 1858 г.

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими – досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

что в этом не личный интерес, а общий, ибо в нашем шаге было мало личного.

Это первое, что я хотел Вам подчеркнуть; у Вас искали "виновника" и "главу" и нашли его во мне. Это очень неточно; не я это выдумал, не я руководил; с другой стороны, не другой мною воспользовался, как это тоже говорят. Все это возникло спонтанно, по "русскому" выражению. Да, среди людей "моей группы" было мало людей, которые мне импонировали; мои политические "друзья" либо умерли, либо уехали. Один из них, П. Б. Струве, вернулся в Париж только, чтобы здесь умереть.[68]

Этого мало. Я по натуре скорей пессимист и жду худшего. И вот Вам скажу – очень скоро я поверил в победу Германии; я нисколько ей не радовался, скорей ей ужасался, но верил в нее. Вы, может быть, помните мою французскую записку до войны, которая была напечатана в "Днях" без подписи. Соглашение Сталина с Гитлером,[69] слабость, которую СССР показал в столкновении с Финляндией,[70] еще больше убедили меня, что Германия победит. Ее первые успехи, разгром Польши и Франции, явное разложение Франции, нежелание и неспособность драться, а с другой стороны чудодейственное усиление Германии с 1918 г. убедили меня, что они победят. Одни этому радовались и шли за победителями; этим я не соблазнился; никуда не уехал, решив погибнуть на своем посту, но не сомневался, что спасения нет, что Англия не устоит. В это время русские – одни уехали, хоть в свободный запад, другие оставались здесь и ставили ставку на Германию (комитет Горчакова[71]) – покинули и упрекали меня; я был если не в одиночестве,

[68] Петр Бернгардович Струве (1870–1944), общественно-политический деятель, публицист, философ. В эмиграции с 1920 г., жил в Париже, с 1921 г. в Софии, в 1922–1925 гг. в Праге, в 1925–1928 в Париже, с 1928 г. в Югославии. В июле 1942 г. вернулся в Париж, умер 26 февраля 1944 г. В свое время Струве, наряду с Маклаковым, С. Н. Булгаковым и М. В. Челноковым, будучи депутатом 2-й Государственной думы, входил в группу так называемых "черносотенных кадетов".

[69] Имеется в виду так называемый пакт Молотова-Риббентропа, подписанный 23 августа 1939 г.

[70] Имеется в виду советско-финская война (ноябрь 1939 – март 1940 г.), где Красная армия, несмотря на одержанную в конечном счете победу, понесла огромные потери в столкновении с противником, которого она многократно превосходила в живой силе и технике.

[71] Михаил Константинович Горчаков (1880–1961), светлейший князь, внук канцлера А. М. Горчакова – камер-юнкер, коллекционер. С 1920 г. в эмиграции в Париже, деятель ряда монархических организаций; в 1926–1931 гг. финансировал и редактировал (совместно с Н. Е. Марковым 2-м) журнал "Двуглавый орел". В 1940 г. претендовал на роль "фюрера" русской эмиграции, стал председателем им же

то в очень разреженной атмосфере. А когда появился Жеребков,[72] его газета,[73] постепенное присоединение к нему даже умных людей, как Бенуа,[74] началась война с Россией, и восторги многих эмигрантов перед "грядущим освобождением России" – я, который не верил в поражение Германии, но не шел к победителю, очевидно занимал безнадежную позицию и делал безнадежное дело: не верить в победу над Германией и не быть германофилом, т.е. стоять за побеждаемых, было нелогично, хотя эта нелогичность соответствовала моему характеру.

И мне тогда были морально близки и нужны люди, которые, как я, не хотели победы Германии, но, кроме того, в нее и не верили. Они давали моей позиции какое-то логическое оправдание. И я сближался, несмотря на разногласия в других отношениях. Мы собирались время от времени в разных местах и в разных комбинациях; общее у нас было только то, что мы хотели разгрома Германии; но т.к. в это время она могла пасть только от сопротивления Советской России, а не [пропу-

---

учрежденного Комитета по организации представительства русской национальной эмиграции во Франции. Через несколько месяцев князь был немцами смещен, скорее всего, по причине своей эксцентричности, граничившей с ненормальностью. Даже если сделать скидку на ангажированность мемуаристов-"возвращенцев" Л. Д. Любимова и Б. Н. Александровского, общавшихся с Горчаковым, особенности поведения князя, которые они рисуют, наводят на мысли о неадекватном восприятии им окружающего мира. См. Б. Н. Александровский. Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. Москва, 1969. С. 331-333; Л. Любимов. На чужбине. Ташкент, 1979. С. 215-218, 295-297.

[72] Юрий (Георгий) Сергеевич Жеребков (1908 – после 1980), артист балета, в эмиграции в Югославии, затем в Германии, с 1940 г. во Франции. В 1942–1944 гг. начальник Управления делами русской эмиграции. В 1944 г. участвовал в организации власовского Комитета освобождения народов России (КОНР), начальник отдела внешних сношений КОНР. В 1945 г. арестован французскими властями, приговорен к пяти годам "национального бесчестия", в 1948 г. приговорен за пособничество нацистам в депортации русских евреев к пожизненным принудительным работам; видимо, впоследствии был амнистирован, эмигрировал в Испанию, жил в Мадриде.

[73] "Парижский вестник", еженедельная русская нацистская газета, издававшаяся Управлением делами эмиграции во Франции с июня 1942 по август 1944 г. Ред. П. Н. Богданович (№ 1-22), О. В. Пузино (№ 23-61), Богданович и Н. В. Пятницкий (№ 64-68), Н. В. Пятницкий (№ 69-112). Жеребков принимал, по его собственным словам, непосредственное участие в редактировании газеты (BAR. von Lampe Collection. Box 13; письмо Жеребкова к А. А. фон Лампе, б/д, очевидно, 1952 г.).

[74] Александр Николаевич Бенуа (1870–1960), русский художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения "Мир искусства". "Невозвращенец", будучи в заграничной командировке, остался во Франции. Публиковался в "Парижском вестнике".

щено слово] от [пропущено слово] в Англии и Америке, ибо при разгроме России и захвате хлеба и нефти Германия стала бы непобедима, то мы все ставили мысленно ставку на победу России. Это тогда вовсе не предрешало отношения к ней; помню, я полушутя сказал, что если теперь приедет сюда их посол, то я завезу ему карточку; но это была только шутка, на которую так и посмотрели. Тем не менее во время пропаганды германофилов о необходимости победы над С. Россией я счел полезным зафиксировать наше суждение о том, что победа СССР для России предпочтительнее победы Германии и что мы должны ей в этом способствовать, нисколько не меняя своего отношения к сов[етской] власти. Это было мною изложено в 7 пунктах и лежало у меня в шкапу, когда я был арестован (28 Апреля 1942 г.). На другой же день люди, знающие про мою бумагу, приехали ее отыскивать, чтобы уничтожить. Так у меня ее больше нет. После моего освобождения я оказался *без дела*, а тут пошли и успехи России; мы продолжали это дело и впервые связались с резистанс. Все это велось, пока немцы не ушли, очень подпольно. Но слухи об этом были, эту группу называли моим именем, и я был в списке тех, кого надо было увезти в Германию при приближении союзников. Только стремительность их отступления меня от этого избавила. Один из наших, Кривошеин,[75] еще раньше был арестован и увезен; теперь он освобожден и вернулся, но до Парижа его не довезли. После ухода немцев мы получили возможность уже открыто искать сторонников, выпустили листовку, но у нас не ставился даже вопрос о посещении Посла и о каком-нибудь соглашении с ним. Но тут произошло два обстоятельства. Появились “патриоты”, отчасти от Резистанс, а отчасти из германофилов, которые под этим флагом скрывали свое

[75] Игорь Александрович Кривошеин (1897–1987), участник Первой мировой и Гражданской войн; в эмиграции с 1920 г., жил в Париже, где получил диплом инженера. В июне 1941 г. арестован, находился в лагере Компьен, через шесть недель освобожден. Участник движения Сопротивления, организатор Комитета помощи русским заключенным лагеря Компьен. Принимал участие в спасении евреев от депортации в лагеря уничтожения. Скрывал и переправлял в Испанию сбитых над Францией британских и американских летчиков, собирал информацию для сторонников генерала де Голля. В июне 1944 арестован, подвергнут пыткам, приговорен к пожизненному заключению, которое отбывал в концлагерях Бухенвальд и Дахау. В 1945-1947 гг. – председатель Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления. Принял советское гражданство. В 1947 выслан из Франции в советскую оккупационную зону в Германии, оттуда репатриировался в СССР. В 1948–1949 гг. работал инженером в Ульяновске. В 1949 г. арестован, по обвинению в “сотрудничестве с мировой буржуазией” приговорен к 10 годам заключения; в 1954 г. освобожден. В 1974 г. вернулся во Францию.

германофильство и нажитые ими деньги; они побежали к Богомолову, оплевали прошлое эмиграции, словом, повели себя, как ренегаты. Одно их присутствие на Гренелль отбило у нас всякую охоту идти туда. Но они стали убеждать нас к ним присоединиться, меня просили стать их почетным председателем, захватили помещение Жеребкова с украденной у нас мебелью, словом, эмиграцию отталкивали. А другое обстоятельство было раздраженное и несправедливое отношение французов ко всем белым русским, которых обвиняли в помощи Германии и измене Франции. Кто не с "патриотами", тот против Советской России, т.е. с Германией. Вот упрощенное рассуждение улицы. Я не знаю, к каким действиям это бы меня побудило. Но мне не пришлось никаких решений предпринимать, когда сам Богомолов через посредника дважды выразил желание со мной повидаться. Он не говорил *зачем*, и затем речь шла только обо мне, и после второго приглашения, которое поручил мне передать, я решил пойти "на разведку" и через того же посредника ответил, что его желание совпадает с моим, и просил назначить время. Но тут он уехал с де Голлем в Москву,[76] и все было отложено. После его возвращения об этом больше не было речи. Мы тогда решили все-таки в противовес патриотам наше "объединение" зарегистрировать, выпустили вторую листовку из 3-х пунктов – Вы ее, по-видимому, знаете – и назначили в Токио[77] собрание тех, которые ее разделяют. Но за несколько дней до этого собрания Богомолов через того же посредника мне передал, что возвращается к первому плану о свидании и назначает мне прием, не только меня, но и моей группы, по моему выбору, но желает, чтобы я привел обоих адмиралов, которые к нам входили. Мы решили пойти, именно как группа людей, которые от Советов независимы, но признают их национальной властью и с ними не борются. Для нас было ясно, что никакой другой власти в России мы им противопоставить не можем, а [не оставлять[78]] борьбу с ними после провала Вермахта есть хлестаковщина. Тогда произошло свидание, протокол которого теперь Вы должны были уже

[76] Речь идет о визите генерала Ш. де Голля, в то время председателя временного правительства Франции, в Москву, завершившегося подписанием советско-французского договора о союзе и военной помощи. А. Е. Богомолов принимал активное участие в подготовке визита и сопровождал де Голля в поездке. Французская делегация вылетела из Парижа 24 ноября 1944 г., вернулась обратно 16 декабря. Подробнее о визите см. Ш. де Голль. Военные мемуары: Спасение 1944-1946. Москва, 2004. С. 69-94.

[77] Возможно, речь идет о зале во Дворце Токио (Palais de Tokyo) в Париже.

[78] Слова "не оставлять" затерты, очевидно, в текст первого экземпляра машинописи было внесено исправление.

получить,[79] если даже не получили первый, отправленный с оказией, то наверное уже получили второй, заказной, посланный на имя Коновалова. Из него Вы увидите, что мы заявили себя эмигрантами, в Россию не просились, но заявили, что после происшедшего мы больше не хотим их свержения и хотели бы не личного, а массового примирения с эмиграцией как символ установления нового строя. Когда Кобецкий писал, что мы ходили с Одинцом и патриотами, он просто лгал, но заведомо, т.к. наше отношение к патриотам всем было известно, и Кобецкий с ними в контакте. Прибавлю, что через несколько недель Богомолов меня одного вызвал и спрашивал, не хочу ли я поехать в Россию. Я ответил, что поставлю этот вопрос, только когда все эмигранты получат право вернуться.

Вот как происходило это дело – и никакие резкие перемены с нами не произошли; все казалось совершенно логично и естественно; это было спонтанным и общим движением, а не чья-то инициатива пойти по иному пути. И поэтому я считаю, что у Вас вообще подняли много шума по пустякам и что иначе поступить было нельзя; нельзя было оставлять эмиграцию при Деникинской [так!] с призывом продолжать прежнюю борьбу,[80] или при патриотах, которые писали: “да будет благословенная октябрьская Революция”. И если я себя отнюдь не чувствую героем, то не могу считать и преступником. Среднему [зачеркнуто “объединению”, вписано слово нрзб. от руки под строкой] – нет иного пути.

Но если я Вам объясняю, как это вышло, то очевидно эта позиция основана и на некоторых политических предпосылках. *Они таковы*.

Уверенность в том, что советский режим не только способен эволюционировать, но и действительно давно, хотя и слишком медленно, эволюционирует.

Что путь к этой эволюции указан им самим в конституции 1936 г., которая не исполняется, но может быть исполнена при некоторой [фраза не закончена].

Что главной и необходимой [пропуск в тексте] является превращение партии в простой аппарат государства.

Необходимость упразднить официальную кандидатуру, т.е. преимущество партийных кандидатов.

Не нарушая основ конституции, можно увеличивать индивидуальный сектор, менять структуру колхозов, давать свободу прессы и слова, все

[79] Четверть века спустя протокол был опубликован. См. Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. 1970. Кн. 100. С. 269-279.

[80] Программа генерала А. И. Деникина (1872–1947) выражалась формулой “защита России и свержение большевизма”.

это в рамках советской системы; от нее останется только одно – мелкая земская единица под заглавием совет, но без его одиозных особенностей.

Но, конечно, советская власть и заинтересованные люди могут этого не желать и сопротивляться, как это делало Самодержавие.

А это может означать, что для этих реформ необходимо предварительное свержение власти, т.е. новая Революция; против советов. И тут, по-видимому, главное, что нас разделяет. Еще недавно мы не только этого желали, но считали, что это непременная *практика*. В этом отношении мы изменились; мы не верим, что это произойдет, раз Россия выдержала войну; но этого я лично и не хочу. Ибо только два исхода: либо либеральное правительство, как в Феврале, и Россию расчленят и разбазарят соседи и союзники. Или такое же диктаторское правительство, но не коммунизм, а нечто вроде легитимистов, фашистов и вообще всех тех людей, которые здесь радовались победе Германии. Этого я не желаю и предпочитаю медленную эволюцию свержению власти. Вот здесь я, может быть, с Вами всерьез расхожусь – и этого [так!] не откажусь, да и не считаю важным. Я все равно ни [пропуск в тексте], ни меняться не могу. А своих ощущений скрывать не хочу, и лукавить мне незачем.

Машинопись. Копия.
HIA, Maklakov, 2-12.

М. А. Алданов – А. А. Титову, 11 июня 1945 г.

[11 июня 1945[81]]

Вы хотите знать мое мнение о “визите”. Вероятно, Б. И. Элькин сообщил в Париж информацию, полученную им от меня об отношении к визиту здешних русских политических деятелей и публицистов. Если так, то Вы знаете, что А. И. К[оновалов] и я наименее резко отрица-

[81] На первом листе письма рукою В. А. Маклакова написано: “Письмо Алданова – Титову 11 июня 45 г.”. В этой же папке находится сопроводительное письмо Алданова Маклакову от 13 июня 1945 г., в котором, в частности, говорится: “Я написал А. А. Титову и С. П. Мельгунову, но, быть может, письма не дойдут. Поэтому решаюсь просить Б. И. Элькина доставить Вам копию (не очень ясную) этого письма: пожалуйста, прочтите его и передайте Александру Андреевичу [Титову]”. На этом же листе рукою Алданова письмо к Б. И. Элькину: “Дорогой Борис Исаакович. Как мне ни совестно Вас утруждать, очень прошу доставить это письмо Василию Алексеевичу. Сердечно благодарю. Недавно подробно Вам написал. Примите и передайте Анне Александровне наш самый сердечный привет. Ваш М[арк] Л[андау]” (HIA. Maklakov. 2-12).

тельно отнеслись к этому политическому акту 10 парижан[82]: именно его и моими усилиями была предотвращена резкая резолюция протеста против него, которую после появления злополучной статьи Кобецкого предполагали вынести здешние соц[иал]-демократы и эс-эры. Мы (а также и Керенский) считали совершенно непозволительной какую бы то ни было резолюцию на основании газетной корреспонденции, до получения более достоверной информации. Мы были правы. Я прекрасно понимаю, что если бы такая резолюция и была вынесена, то Вы отнеслись бы к этому философски: что же, были единомышленниками и перестали ими быть. Но все-таки и Вам, надеюсь, тяжело было бы разрывать ту немалую идейную связь, которая 25 лет существовала – в известных пределах – между русскими политическими кругами "от кадетов до эс-эров". Как-никак, за этими идеями вековая русская традиция. То, что было сказано в статье Кобецкого (конечно, я имею в виду информацию, а не лирику), этой традиции клало конец. Надо ли говорить, как я рад тому, что Ваш "протокол", сегодня нами полученный (три страницы без заглавия и конца), и, в частности, вторая речь Василия Алексеевича и его письма вносят весьма существенные поправки. И Вы, и В. А. были, видимо, изумлены словом "бульверсе"[83] в Коноваловской телеграмме. Но ведь Абр[ам] Сам[ойлович] [Альперин] в телеграмме мне по поводу той же корреспонденции выразился еще сильнее (индигнент[84]).

Перехожу к существу дела и делаю это <u>только</u> потому, что Вы выразили желание узнать мое мнение. По своей инициативе я его высказывать не стал бы. Буду говорить откровенно, в уверенности, что политические разногласия на личных отношениях наших отразиться не могут и не отразятся. Добавлю, что письмо мое конфиденциально. Вы можете прочесть его исключительно Абраму Самойловичу и Василию Алексеевичу [Маклакову] – больше <u>никому</u>. Под тем же условием конфиденциальности я пошлю копию настоящего письма Сергею Петровичу [Мельгунову].

Но прежде всего я коснусь двух общих вопросов.

1) Вас[илий] Алек[сеевич] пишет: "для того, кто пережил здесь владычество немцев, … для тех ясно, что мы все ближе к Сталину, чем к Гитлеру и Жеребкову"! Да кто же в этом сомневался? Для этого не надо было переживать владычество немцев. Мы здесь все, и со-

[82] На самом деле визитеров было девять.

[83] Bouleverser (франц.) – потрясать.

[84] Indignent (франц.) – возмущенный.

циалисты, и кадеты, и беспартийные демократы, всегда занимали “100-процентную” (как говорят в Америке) оборонческую позицию. Если бы Вас[илий] Алек[сеевич] хоть на мгновенье думал о нас иначе, он вообще не стал бы нам писать, как мы не пишем и не будем писать ни одному из парижских пособников немцев, активных, неактивных, идейных и продажных. Мы все в этом отношении ([пропущено слово] и лично) настроены совершенно непримиримо (гораздо более непримиримо, чем, по слухам, в личных отношениях многие парижане). О себе скажу, что я в своих статьях и на русском, и на английском, и на французском языке в С[оединенных] Штатах неизменно говорил, что мы всей душой желаем победы в этой войне России, каков бы ни был ее режим.

2) У вас, по-видимому, существует мнение, что мы “потеряли чувство России”, “утратили живую связь с ней” и т.д., тогда как вы, парижане, знаете о русских делах и настроениях много больше! Право, географическое расстояние здесь ни малейшей роли не играет: 2000 километров или 6000 километров – не все ли равно? Вы видите много “приезжих”. Их очень много и здесь, и они тоже не прячутся. Но вы, вероятно, читаете почти исключительно крошечные *французские газеты* наших дней, тогда как мы читаем ежедневно газеты, которые по верности и обширности информации ни с чем не сравнимы даже в прежней, довоенной Европе. Мы читаем также регулярно советские книги и периодические издания, которых вы, вероятно, были очень долго лишены. Я прочел за последние три – 4 года не менее десятка книг, написанных о России посетившими ее за это время американцами разных направлений. Нет ни малейшего сомнения в том, что немецкое владычество вы пережили неизмеримо острее, чем мы. Но когда один из участников вашего визита пишет сюда, что мы ничего не знаем, а он все знает – или во всяком случае гораздо больше нас – о процессах в России, то это вызывает у меня полное недоумение. Вы и ваше общество сближения (кроме, кажется, Вас[илия] Алек[сеевича]) уверены, что советская власть вступила на путь либеральной эволюции, – могу только порадоваться вашей уверенности. Алек[сандр] Фед[орович] в своих тезисах, напротив, выражает уверенность в том, что Сталиным готовится социальная революция в Европе, – это, по-моему, тоже лишь одна из возможностей. Я недавно в одной американской газете написал, что я – единственный человек в Нью-Йорке, НЕ [так!] знающий, чего хочет Сталин. Все другие знают.

Вы скажете, что вы для этого и создали Общество изучения[85] и т.д. (смотреть первый параг[раф] устава). Но для этого едва ли был необходим визит. В одном Нью-Йорке есть десяток таких обществ, и они всегда были (и в Париже). Предсказываю вам, что это сведется к небольшому числу докладов, очень мало отличающихся от тех, которые читались в разных парижских залах в течение 20 лет, и к созданию крохотного архива. Разумеется, против этого не может быть никаких возражений, и я этому всей душой сочувствую. Какую помощь вы можете оказать желающим вернуться, мне не совсем понятно. Но слова в другом документе "и содействовать этим безболезненной ликвидации эмиграции" вызывают у меня тоже некоторое недоумение. Это почти то же самое, как если бы я, уехав от Гитлера в Америку, приглашал других остаться в Европе. Изменю свое отношение к этому в тот день, когда Абрам Самойлович, от доклада которого мы, в отличие от вас, не в восторге[86] (пусть он простит меня за откровенность), переедет в Москву. Он свое подлинное мужество проявил в Компьенском лагере, и этим я искренно и от души восхищался. Но его доклад я (и отнюдь не я один) читал с душевной болью – и как эс-эр, и как друг и почитатель Абрама Самойловича (которым я, разумеется, остаюсь, если только он теперь и меня не "скидывает со счетов"). Удивила меня в "протоколе" и его речь: она могла только ослабить впечатление от очень сильных слов В. А. Маклакова в его второй речи.[87]

Вы называете официозом нового общества газету "Русские Новости". У меня были первые два номера в течение получаса, и я мог только просмотреть их. Статью Вас[илия] Алексеевича и примечание к ней парижской редакции Вашего официоза перепечатало "Новое Русское Слово". Статья очень интересна, хотя и спорна или потому что спорна. Редакционное же примечание вызвало общее изумление у наших друзей здесь. Василий Алексеевич – ваш почетный председатель; тем не менее, ваш официоз в весьма странной форме – разумеется, с комплиментами – поучает его уму-разуму. Не знаю, кто автор примеча-

[85] Имеется в виду Объединение русской эмиграции для сближения с Советской Россией, основанное 24 марта 1945 г. членами условной "группы Маклакова". Председателем Объединения был избран А. С. Альперин, почетным председателем В. А. Маклаков.

[86] Речь идет о докладе А. С. Альперина на учредительном собрании Объединения для сближения с Советской Россией.

[87] Имеется в виду ответная речь В. А. Маклакова на выступление советского посла А. Е. Богомолова во время встречи в посольстве 12 февраля 1945 г.

ния. Мой друг Бунин в подобных случаях любит говорить: “На кого он лапу поднимает”. Этот развычный [так!] выговор большому человеку и политическому либерализму 19-го века со ссылкой на неназванный авторитет, кажется, Вышинского,[88] очень меня позабавил. Первой передовой я не читал, но от ряда читавших (в том числе и от одного “большевизана”) слышал, что она вполне могла бы быть помещена в “Советском Патриоте”. Вероятно, это было недоразумение, и Вы, Волков,[89] Михельсон[90] и другие руководители Общества и официоза, “выпрямите линию”.

---

[88] Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), советский государственный деятель, в 1935–1939 гг. прокурор СССР, прославился своими обвинительными речами на московских показательных процессах. В 1939–1944 – заместитель председателя Совнаркома СССР, в 1940–1949 – заместитель министра иностранных дел СССР. Алданов неверно определил автора цитаты, приведенной в редакционной врезке к статье Маклакова в качестве противовеса мнению старого либерала об антиномии интересов личности и государства: “Непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов”. На самом деле это фрагмент беседы И. В. Сталина с Гербертом Уэллсом 34 июля 1934 г. Понятно, что о преимуществах социализма говорил Сталин, а не автор “Войны миров”.

[89] Николай Константинович Волков (1875–1950), агроном, член партии кадетов; депутат 3-й и 4-й Государственных дум, в период Первой мировой войны товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. Товарищ министра продовольствия Временного правительства, в 1918 г. один из руководителей Национального центра; с весны 1919 г. в Сибири, участвовал в работе Восточного отдела партии кадетов. С 1920 г. в эмиграции в Париже, ближайший помощник П. Н. Милюкова; один из основателей Республиканско-демократического объединения. С 1923 г. заведовал хозяйственной частью газеты “Последние новости”, был директором-распорядителем одноименного издательства. В период Второй мировой войны сумел сохранить имущество газеты, которое после освобождения Парижа передал бывшим сотрудникам.

[90] Александр Михайлович Михельсон (1883–1976), экономист, специалист в области финансового права; публицист. Приват-доцент Московского университета, профессор университета Лозанны. В 1915–1918 гг. жил в Берне, был специальным корреспондентом по вопросам экономики ряда российских газет. С 1918 г. на положении эмигранта, в 1919 г. перебрался в Париж. Экономический обозреватель газеты “Последние новости”, вел раздел “Валютный рынок – Биржа”. Преподавал в Русском институте права и экономики при юридическом факультете Парижского университета, во Франко-русском институте социальных и политических наук, в Русском коммерческом институте. Член Совета Объединения деятелей русского финансового ведомства и ряда других русских общественных и научных обществ во Франции, член-корреспондент Русского экономического общества в Лондоне.

Вас[илий] Алексеевич в своей первой речи сказал: “Мы хотим, чтобы… Вы непосредственно узнали от нас”. Они достаточно непосредственно узнали бы о ваших мыслях и чувствах, если бы Вы напечатали об этом статью (как сделал покойный и незабвенный Павел Николаевич – имею в виду его напечатанную, кажется, на гектографе последнюю статью,[91] с которой я в очень многом не согласен). Так, помнится, кто-то сказал, Герцен напечатал об Александре II: “Ты победил, Галилеянин”,[92] – но он не пошел читать это в посольство (не касаюсь вопроса о некоторой разнице режимов). Василий Алексеевич в письме Коновалову объясняет, как было дело с “тостом”. Понимаю психологическую трудность и даже безвыходность положения, но кто же виноват. Если бы Вы ограничились статьей, листовкой или речами в другом месте, то не подверглись бы этой неприятности. По совести, я не понимаю, зачем Вы, Вас[илий] Алекс[еевич] и Абрам Самойлович, пошли туда. Ни малейших практических последствий это не имело. Гора родила мышь. Вдобавок повторяю, ваше Общество могло создаться и без этого. Очень легко говорить: “Мы от наших идей не отказались”. Если судить по “официозу”, то Вы именно отказываетесь от самых основных наших (т.е. и Ваших) идей. Еще раз скажу: надеюсь, передовая и примечание к статье Маклакова – недоразумение. Но и самый факт визита… Много лет тому назад, задолго до войны, в пору высших внутренних успехов Муссолини (конкордат с Ватиканом, осушение Понтийских болот и т.п.) знаменитый итальянский социалист объявил, что от идей свободы и прав человека не отказывается, но рекомендует “примирение с дуче и общую работу на пользу родины”.[93] Вы помните эту нашумевшую историю и ее результаты. Очевидно, это лишь иллюстрация, привожу ее, зная сходства и отличия.

---

[91] Имеется в виду статья П. Н. Милюкова “Правда большевизма”.

[92] Статья “Через три года” (опубликована в “Колоколе” 15 февраля 1858 г.), начинающаяся словами “Ты победил, галилеянин!” была написана А. И. Герценом вскоре после получения в Лондоне известий о рескриптах императора Александра II, знаменовавших начало подготовки крестьянской реформы. По христианскому преданию, “Ты победил, галилеянин!” – предсмертный возглас римского императора (331–363) Юлиана Отступника, обращенный к Иисусу Христу.

[93] Диктатор Италии, лидер фашистской партии Бенито Муссолини (1883–1945) в 1929 г. заключил соглашение (конкордат) с католической церковью, регулирующее ее положение и права в Италии; одновременно были заключены так называемые Латеранские соглашения, в результате которых возникло государство Ватикан в его нынешнем виде. В рамках программы общественных работ Муссолини организовал осушение Понтийских болот (название болотистой местности в Лацио, юго-восточнее Рима); работы начались в 1930 г., продолжались около 10 лет. Имя социалиста, призвавшего к примирению с Муссолини, установить не удалось.

12 июня.

Вчера оборвал это длиннейшее письмо, так как утомлен и слишком взволнован. Сегодня видел Алекс[андра] Федоровича. Он распечатал и прочел мне два письма, присланные ему Василием Алексеевичем.

Вы говорите, что Вы отказались от борьбы с советской властью. Вам отлично известно, что никакой борьбы с советской властью не ведет уже пятнадцать лет в эмиграции никто. В пору войны мы все, к тому же, пером и деньгами (чем же мы могли помогать еще) помогали русскому народу в его геройском сопротивлении врагу: жертвовали, что могли, посылали (по не зависящим от нас обстоятельствам анонимно) продовольствие, одежду, обувь писателям и ученым в Москву. Во всем этом мы от Вас ничем не отличаемся. Но от права свободной критики, обсуждения и осуждения мы отказаться не можем, так как говорим и за тех, кто лишен возможности говорить. Я понимал, что значит "оппозиция его величества". Но что такое "эмиграция его величества", я не понимаю. Вы скажете, что и Вы от упомянутого выше права не отказывались. Да, во второй речи Василия Алексеевича это сказалось с большой силой. В докладе Абрама Самойловича это еле слышится. А в том примечании, которым редакция "Р[усских] Нов[остей]" снабдила Маклаковскую статью (и, по-видимому, в их передовой – о ней я говорю лишь понаслышке) это не слышится совершенно. Напротив, в них слышится прямо противоположное. Очень умеренная статья В[асилия] А[лексееви]ча была написана с точки зрения первого из тех двух "равноправных принципов", о которых он говорил и сообщает нам. Но редакция ему отвечает с точки зрения второго. Официоз Общества, отвечая его почетному председателю, небрежно отбрасывает первый принцип: иди, мол, старик, на покой с твоими допотопными взглядами. Не знаю, остается ли после этого В.А. почетным председателем и сотрудником газеты. Очевидно, остается. Могу только этому удивляться. Думаю, что В. А. скорее по пути с нами, чем с авторами примечания к его статье.

В. А. задолго до визита сообщил нам, что в парижской эмиграции существует три течения: "непримиримые" (Мельгунов, Церетели), выжидающие и третьи типа Одинца (кажется, имена были названы не им). Сам В. А., по-видимому, относил себя ко вторым. Естественно, я подумал, к какому течению я должен был бы причислить себя. Не могу причислить себя к "непримиримым", потому что не понимаю, что это значит. Если маршал освободит миллионы заключенных в лагерях и

хоть немного освободит народ от нынешнего гнета, существование которого признает В. А., то мы, и не являясь в посольство, будем всячески это приветствовать (его большие заслуги в деле обороны России совершенно бесспорны). Кто же мы: “непримиримые” или “выжидающие”. Думаю, что фактически мы все, не исключая Сергея Петровича [Мельгунова], “выжидающие”. “Непримиримость” – это часто тога, а у меня охоты щеголять тогой, как Вишняк, нет. Однако пока ни о каком освобождении России речи нет. В. А. пишет, что его не поддержали, как не поддержали Керенского в октябре 1917 года. Пусть он меня простит, тут ни малейшей аналогии не вижу. Отчего же мы должны были “поддерживать” его в действии, которое мы признаем ошибочным и которое, думаю, со временем признаете ошибочным из десяти участников визита именно вы трое. В тоне писем Василия Алексеевича и сейчас большой уверенности не чувствуется. Может быть, я в этом и ошибаюсь.

И еще последнее. В. А. нас спрашивает: “А что же в ы предлагаете?”. Однако же мы и в последние двенадцать лет ничего реального не предлагали, и это было естественно, так как от нас, ото всей эмиграции, решительно ничего не зависело. Формула “когда падут большевики” была довольно утопической и в 1930, и в 1925 году – отчего им было пасть, если с ними никто борьбы уже не вел. Мы изо дня в день повторяли, что дважды два четыре, что свобода лучше рабства, что она нужна русскому народу, как всем народам. Мы (к счастью) ошиблись в одном: мы недооценили военную мощь СССР. Ошибка очень важная, но ее допустили с нами крупнейшие военные авторитеты всего мира. Однако это другой вопрос. О наших ошибочных и о наших верных взглядах можно было бы написать не письмо, а книгу. Здесь же я только хочу сказать, что каковы бы ни были наши взгляды, они уже лет двадцать никакой “практической платформы” для эмиграции не представляли: он нас не зависело ничего. Никакой практической платформы, кроме устройства лекций и крошечного архива, не дает и ваше Общество сближения и изучения. А кто захочет вернуться, тот вернется и без вас или получит отказ и с вами. Мы этого не “запрещали” и прежде, по крайней мере, так называемым обывателям. Или “вождей” Пешехонов призвал вернуться – и вернулся – без нынешней торжественности.[94]

[94] Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933), экономист и публицист; активный участник освободительного движения, за принадлежность или содействие нелегальным организациям неоднократно арестовывался и высылался в 1880 – начале 1900-х гг. Сотрудничал в эсеровской печати; состоял некоторое время в “Союзе

А Мякотин,[95] если бы был жив, 12 февраля без малейшего сомнения остался бы дома.

Машинопись. Копия.
HIA, Maklakov, 2-12.

В. А. Маклаков – Б. И. Элькину, 2 июля 1945

Париж, 2 Июля 1945 г.

[…]

Очень возможно, что из наших действий ничего не выйдет. Причина этого общая. Люди больше умеют воевать, чем мириться. Примирение каждая сторона понимает как капитуляцию противника. Наша русская история с 1902 г. полна примеров этого; она теперь повторяется. “Советы” согласны мириться, если мы станем “советскими” патриотами

Освобождения”. В 1906 г. стал одним из основателей партии народных социалистов. После Февраля 1917 г. – член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; в мае-августе 1917 г. – министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьской революции и последовавшего через несколько месяцев разгрома ЦК партии народных социалистов перебрался на Юг. Участвовал в белом движении, печатался в различных периодических изданиях, выходивших на подконтрольных белым территориях. После разгрома белых работал статистиком в кооперации, затем в Центральном статистическом управлении Украины. В 1921 г. был обвинен в занижении нормы прод. налога и переведен в Москву на должность научного сотрудника в Наркомзем. В 1922 г. арестован и после нескольких месяцев заключения в октябре того же года выслан за границу. В 1923 г. выпустил в Берлине брошюру “Почему я не эмигрировал?”, в которой подчеркивал заслуги большевиков в восстановлении русской государственности. После 3-летнего пребывания в эмиграции Пешехонов дважды обращался в полпредства СССР с заявлением о желании вернуться в Россию, но получал отказ. С 1927 г. работал экономическим консультантом торгпредства СССР в Прибалтике. Умер в Риге, похоронен в Ленинграде. Таким образом, его возвращение на родину состоялось post mortem.

[95] Венедикт Александрович Мякотин (1867–1937), историк, публицист. Автор многочисленных работ по истории России и Украины в XVII-XVIII вв. Сотрудник (1893) и член редакции (с 1904) народнического журнала “Русское богатство”. В 1906 г. один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. С марта 1917 г. член исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, с мая 1917 г. – член Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. В 1917 г. избран председателем ЦК Трудовой народно-социалистической партии. В 1918 г. один из создателей и руководителей “Союза возрождения России”. В 1920 арестован, осужден по делу “Тактического центра”, в апреле 1921 освобожден. В 1922 г. выслан из Советской России. В эмиграции в Берлине, с 1924 г. в Праге, с 1928 г. профессор историко-филологического факультета Софийского университета.

и не будем видеть их недостатков, или по крайней мере не посмеем об них говорить. А те в “Америке” согласны мириться, если Советы капитулируют без всяких условий, пойдут на Учредиловку. Мне не простили из одного лагеря, что я в доме повешенного заговорил о веревке, о необходимости права, о свободе; а из другого, что я признал желательной не революцию, а эволюцию в рамках советского строя. Отрадно видеть, что Ваши молодые советские собеседники – при этом партийцы – были умнее.[96] Они понимали необходимость реформ; не реставрации, не революции, но необходимость реформ, хотя бы на базе сталинской конституции. Моя ставка в России на людей этого типа, но их мало; и эта ставка “теория”, а не практика.

Но наше дело кончится вничью не только потому, что стороны не понимают, что такое примирение, но еще и потому, что мы по-прежнему лишены возможности излагать и защищать наши мнения. Ступницкий испугался последствий моей статьи и только из приличия меня в своей газете не ругает. Если бы это был только страх, то не беда; он имеет право бояться за газету. Я боюсь худшего, чем страха: невольного подлаживания под вкусы того, на кого он ставку ставит. Тогда у его газеты не будет отличия от “Патриота”; этого отличия и не видят. А тогда патриоты их съедят.

Во всяком случае они смотрят на газету как на свой личный орган, и я не знаю, куда они клонят. Они от меня отдаляются, как от “опального”. Но где их опора здесь, я не вижу.

Судьба газеты показывает, насколько Алданов вне французской реальности, когда находит, что вместо визита было достаточно “статьи”. Статья была и остается невозможной. Этого оружия во Франции не было. Я не говорю, что мы пошли потому, что не смогли статьи поместить; но говорить о статьях, и печати и т.д. – значит говорить не о Франции и говорить с нами на другом языке.

Но все эти вопросы – мелочь сравнительно с той игрой, которая разыгрывается перед нами и неизвестно чем кончится. Жду с интересом выборов в Англии. Но ведь и этого недостаточно. А то, что, как будет

---

[96] По-видимому, речь идет о контактах с советскими представителями в Лондоне. Советские дипломаты в Великобритании, видимо, следовали той же линии, что и их коллеги в Париже. По словам Е. В. Саблина, он стал негласным советником советского представительства в Лондоне. У него раз в неделю бывал один из секретарей посольства (О. Казнина. Русские в Англии: Из переписки Е. В. Саблина // Россика в США. Москва, 2001. С. 180). Нетрудно догадаться, по какому ведомству служил посетитель “белоэмигранта”.

делаться, очень тревожно. Неужели требуется еще одна иллюстрация того, как “победу проигрывают”.

Я бы хотел послать Вам мою последнюю книгу – “О 1-ой Государственной Думе”[97] – но не знаю, как это можно с теперешними порядками, когда не доходят даже газеты. Ассоциация мыслей не случайна; “проигрыш победы” – цитата из этой книги.

Спасибо за статью Полякова.[98]

Ваш Маклаков

Машинопись. Подлинник.
Bodleian. MS. Russian d. 4. Elkin. Л. 32-33.

А. Ф. Керенский – В. А. Маклакову, 9 июля 1945 г.

109 East 91 Street
New York City, N.Y.

En russe

9-го июля 45 г.

Дорогой Василий Алексеевич,

по причинам от меня не зависящим, а вытекающим из особых обстоятельств сейчас моей жизни около тяжко больного человека[99] я так поздно отвечаю Вам. (Кстати, в свое время я послал Вам письмо вместе с “тезисами”. Это письмо из вализы было кем-то ВЫНУТО, поэтому только Вы его и не получили. В нем Вы нашли бы подробное распределение мнений и увидели бы, что тогда взаимного понимания у некоторых из нас, во всяком случае, было ДОСТАТОЧНО, как писал на днях Вам и Ал[ександр] Ив[ано]вич). Кон[овалов] написал Вам, что от меня Вы получите пространное письмо, изъясняющее “нашу общую точку зрения”. Это письмо таковым НЕ будет, не потому что у нас здесь нет даже минимума общности воззрений и оценок (об этом я только что написал Теру[100]), а потому что перед отъездом в дальний путь[101] мне хочется на-

[97] См. прим. 65.
[98] См. прим. 54.
[99] Имеется в виду вторая (с 1939 г.) жена Керенского, австралийская журналистка Лидия (Нелл) Триттон (Lydia Ellen Tritton) (1899–1946).
[100] Речь идет о М. М. Тер-Погосяне.
[101] Керенский собирался уехать вместе с тяжело больной женой на ее родину в Австралию.

писать лично от себя лично Вам (что не значит, конечно, сокрытие этого письма от наших ОБЩИХ друзей)... Несмотря на частые наши, как Вы пишете через д-р М., разномыслия, у нас было, как я думаю, нечто общее и весьма существенное не только для нас: мы всегда выносили за всякие партийные и групповые скобки Госуд[арство] Российское и аршином его интересов мерили все вокруг себя – партии и группы, учреждения и людей (почему иногда и сходились в оценках, и наше "единомыслие" удивляло, а подчас даже возмущало привычно-шорных людей). Поэтому мне странно и непонятно, как Вы можете находить во мне "ЭМОЦИЮ непримиримости" и исток Вашей собственной тактики находить все в "эмоции", рожденной жизнью под немцами!.. Эмоции присущи всем людям, но хирург НЕ делает эмоциональных операций, инженер не строит эм[оцио]нальных машин, стратег не ведет эм[оцио]нальных кампаний, политик не создает эм[оцио]нальных программ и тактик. Он человеч[еские] эмоции направляет в русло нужного в данное время политического действия.

А Вы, милый Василий Алексеевич, урожденный ПОЛИТИК. И то, что ВЫ кратчайше написали мне, как Вашу ПОДЛИННУЮ точку зрения на современность, свидетельствует именно о том, что Вы не эмоц[ионал]ный обыватель, а политик в самом точном смысле этого слова. С Вашей точкой зрения можно соглашаться (я согласен был раньше, чем прочел, т.к. я тут говорил почти то же самое) или с ней бороться. Но выводить ее из случайных эмоций случайного местожительства нельзя и недопустимо, ибо это сводит весьма важную политическую тему спора (хотя бы с непримиримыми) на уровень житейских, человеческих, слишком человеч[еских] пререканий – кто как чувствовал, кто больше или меньше любил (Россию), кто больше выстрадал или совсем не страдал. И уже совсем нельзя разницу "эмоций" (как причину "разных дорог") сводить к географии – вы, мол, за тридевять земель живете! Ну а как же быть с "непримиримыми" и "не-визитерами" (хотя и не-непримиримыми), в САМОМ ПАРИЖЕ?!

Логика подсовывания политич[еских] действий под эмоц[иональные] жесты неизбежно приводит к необходимости измышлять "духовных американцев" в Париже и "духовных парижан" в Н[ью-]Йорке, т.е. приводит к политич[ескому] абсурду.

Посему совместно постановим: эмоцию и географию впредь из "наших разногласий" изъять и рассуждать политически. Из всего дальнейшего я исключаю, как предмет обсуждения, один решающий иногда судьбу человека повод к действию: непреодолимую потребность кончить жизнь у "могил предков" – см. Мит[рополита] Евлогия

в № 1 “Рус[ских] Нов[остей]”.[102] Человек, ощутивший соверш[енную] повелительность этой потребности, должен устраниться от всякой общ[ественно]-политич[еской] деятельности и добиваться своей цели в полном одиночестве. Как бы жгуча не была у Вас/у нас *жажда* увидеть еще раз телесными очами Россию, Вы/мы поставили вопрос не о “милости” к припадающим к стопам, а о “примирении”, т.е. о внутренних – пусть весьма скромных – переменах *(“реформах”)*, которые сделают правомерное и нравственно оправданное ныне существование свободолюбивой эмиграции – бесцельным и не нужным.

Милый Василий Алексеевич, я считаю, рассуждая политически, это Ваше – именно ПОСЛЕ великолепной победы России под водительством тотал[итарной] власти – УТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВА на существование политич[еской] эмиграции, защищающей свободу личности и закону подчиненность гос[ударственной] власти, считаю государственным АКТОМ огромного значения. Непристойная выходка “милюковской” газеты только подтвердила смысл и значение Вашего выступления, сразу разгаданного “наверху”.[103]

---

[102] Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский) (1868–1946), церковный и политический деятель. После окончания Духовной академии (1892) в Москве и пострижения в монахи (1895) занимал различные посты в церковной иерархии; архиепископ Волынский и Житомирский с 1914 г. Член 2-й и 3-й Государственных дум; от депутатства в 4-й Гос. думе отказался. Член Св. Синода Русской Православной Церкви с декабря 1917 г. Оказавшись в Киеве, был арестован в декабре 1918 г. по распоряжению С. В. Петлюры и вывезен в Польшу, затем в Австрию и Румынию; освобожден через 9 месяцев по требованию стран Антанты; с сентября 1919 г. в расположении войск А. И. Деникина, работал в Высшем церковном управлении; в январе 1920 г. эмигрировал в Сербию. С 1921 г. в его ведение перешли по распоряжению патриарха Тихона православные приходы в Западной Европе; в 1922 г. возведен патриархом в сан митрополита. Керенский, несомненно, имеет в виду следующий фрагмент интервью митрополита Евлогия газете “Русские новости”: “у меня была одна мечта. Помните, А. И. Куприн, которого я близко знал, сказал однажды: ‘Человек – хозяин своей жизни, но раб своей смерти. Человек должен умирать у могилы предков’. Проникновенные, глубокие слова! Я мечтал на коленях доползти до родной земли, перекрестить ее, лечь и умереть. Да и кто же из честных, подлинно честных и истинно русских людей, уставших от здешней жизни, втайне думал по-другому?” (Русские новости. 1945. № 1. 18 мая).

[103] Имеется в виду статья В. А. Маклаков “Советская власть и эмиграция” (Русские новости. 1945. 25 мая). “Милюковской” Керенский называет эту газету, поскольку она претендовала на преемственность по отношению к самой популярной газете русского зарубежья, что выражалось как в сохранении части названия (“Последние новости” – “Русские новости”), логотипа газеты, так и в личном составе руководства нового издания (А. Ф. Ступницкий, Н. К. Волков). Под “непристойной выходкой” подразумевается редакционное предисловие к статье Маклакова.

Ваша статья, в которой я вижу комментарий ко всем вашим “визитам”, раскрывает все положительные и отрицательные стороны Вашей (и Вашей группы) тактики полнее, чем речи на свидании и Абр[ама] Сам[ойлови]ча [Альперина[104]]. В статье нет косноязычия политического. Зато есть другое, о чем дальше. А сейчас о всем положительном и, по-моему, весьма нужном и ценном, что сводится к одной главной мысли: нужно поставить (и Вы ее наметили) новую ВЕХУ на особом русском пути к целокупной политич[еской] и соц[иальной] свободе.

Мне легко, кажется, раскрыть настоящий смысл Вашего тактич[еского] пути, т.к. я сам им иду; знаю, что на нем я здесь не один, но не говорю – “мы идем” – сознательно: личная форма никого не обязывает и не связывает. Итак…

Вы вместе с некоторыми нашими общими друзьями признали или, скорее, установили как ОЧЕВИДНОСТЬ, что победой открылась НОВАЯ ЭПОХА истории России; что страна – народ и власть – стала другой; что в новом, органическом сотрудничестве – “перемирии” – побеждающая армия, безвластный народ и всевластная диктатура уже осуществили и ЕЩЕ совместно осуществляют завещанную историей программу установления ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ рубежей России и восстановления ее мирового положения; что процесс перерождения соц[иальных] тканей России есть процесс НЕОБРАТИМЫЙ вспять к строю, существовавшему – у нас до первой войны, а на Западе – до второй, но что гос[ударственно]-политический строй СОВЕРШЕННОЙ (тот[альной]) НЕ-СВОБОДЫ, продолжающий существовать в С.С.С.Р., в корне НЕ соответствует ни достоинству, потребностям и чаяниям народа-победителя, ни мировой роли России, ни даже формальным обещаниям власти.

Выход из всех этих очевидностей вытекает только один, который ВЫ сделали и провозгласили: единственная задача, которая ПОСЛЕ победы, достигнутой в органическом сотрудничестве власти и народа, стоит перед властью и народом, есть восстановление – гражд[анской] и политич[еской] – свободы.

Как достичь раскрепощения? – в том же сотрудничестве власти с народом, в каком была достигнута победа. Способна ли “советская” или тоталит[арная] диктатура на ТАКОЕ сотрудничество, т.е. на эволюцию к свободе и в свободе?

[104] Имеются в виду речи во время визита в посольство 12 февраля 1945 г. и речь А. С. Альперина на учредительном собрании Объединения русской эмиграции для сближения с Советской Россией 24 марта 1945 г.

В ответе Вашем на этот вопрос – ключ к Вашему полит[ическому] поведению после победы. Ваш ответ: мы хотим, чтобы диктатура, побратавшаяся кровью с народом в подвиге защиты и победы и тем ставшая ГОС[УДАРСТВЕННОЙ] НАЦИОНАЛЬНОЙ властью, – хотела пути эволюции и шла по нему, ибо мы ни за что НЕ хотим, чтобы народ ЗАХОТЕЛ революции (по соображениям нам всем общим и которых не стоит здесь повторять). Совершенно не существенно для практич[еской] политики, осуществимо ли объективно Ваше хотение и не-хотение. Весьма существенен бесспорный факт, что в данной историч[еской] и психол[огической] обстановке в России для свободолюбивой и в то же время безоговорочно патриотической эмиграции исполнения ее НЕОТМЕНИМОГО долга – защиты прав человека, личных и политических – должно быть ограничено рамками творческой критики и предостерегающих настояний, обращенных к власти. Так уж случилось, что в новую эпоху русской истории надо начинать со старых политических азов, вроде "тверского адреса"[105]! И Вы это сделали, УСТУПИВ ВСЕ, КРОМЕ ПРАВА НЕОТЪЕМЛЕМОГО человека НА СВОБОДУ, ОГРАЖДЕННУЮ ЗАКОНОМ.

Я знаю, что Ваша тактика продиктована НЕ "наивной" верой (как некоторые думают и здесь, и в Париже), а отчетливым знанием (или, скорее, ощущением) современной обстановки и стремлением предотвратить новую скорбь и кровь в России. И чем Ваша "наивная" тактика будет практически бесплоднее, чем презрительнее в головокружении от физ[ической] мощи и внеш[него] могущества отнесется к Вашим "бессмысленным мечтаниям"[106] о внутреннем ПРИМИРЕНИИ власть, тем значительнее будет становиться Ваше "лояльное" обращение, ибо

[105] Имеется в виду всеподданнейший адрес тверского губернского земства императору Николаю II по случаю вступления его на престол (1894). В адресе говорилось о необходимости введения народного представительства.

[106] "Бессмысленные мечтания" – слова императора Николая II из его речи к представителям дворянства, земств и городов, произнесенной 17 января 1895 г. В этой речи император, среди прочего, сказал: "Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель". Речь Николай II читал по записке, вложенной в круглую барашковую шапку, которую он держал в руках. От волнения царь вместо "несбыточными мечтаниями", как было в тексте написанной для него речи, прочел "бессмысленными мечтаниями" (Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. Москва, 1917. С. 56-57). Фраза "бессмысленные мечтания" стала крылатой.

для будущего России, для событий, которые при упорстве власти рано или поздно там – вопреки нашей до конца честной воли к вн. миру – разыграются, будет важно УКАЗАТЬ НА ВЕХУ, от которой победившая великолепно и восставшая в могуществе страна могла завершить свой подвиг в братском примирении и содружестве и не завершила его НЕ по вине народа, а потому, что власть оказалась не способной к мудрому и дальнозоркому самоограничению…

Из всего предыдущего Вы, дорогой Василий Алексеевич, видите, что "взаимным непониманием" я не страдаю: я Вас понимаю! Хотел бы, чтобы и Вы поняли, как далек я от "непримиримости", свойства, которого у меня вообще никогда не было, что явствует из всей моей политич[еской] жизни. Но кроме непримиримости есть еще ТВЕРДОСТЬ в защите СУЩЕСТВА того, что считаешь целью своей пол[итической] работы. Моя цель была: преображение России в страну народоправства (в любых гос[ударственных] формах), что в России не могло случиться без глубокого, коренного социального перерождения. Посему "новый соц[иальный] строй" в России, с которым Вы только теперь примирились, был зачат (национ[ализация] земли) февральской свободой, за что эту новорож[денную] свободу и возненавидели будущие носители "белой мечты". Не только большевики слева, как писал Черчилль, но и большевики СПРАВА, "вырвали из рук русского народа победу". Кто же, рискуя собой, изменял национальному долгу и долгу защиты вечной России?! – Временное Правительство и с ним Вы, его посол. Как же сейчас Вы пишете, что методы тот[алитарной] диктатуры оказались целесообразнее для защиты и победы, чем "свобода" Вр[еменного] Прав[ительства]?! Ведь свободная Россия была рождена в бурю войны, в развале распутиновщины, и считала свою жизнь еще месяцами и все-таки НЕ пустила немцев ни на шаг дальше линии осени 15-го года, приковала к русскому фронту больше Герман[ских] войск, чем раньше, и сделала невозможной победу Германии. А тот[алитарная] диктатура прежде, чем победить, увидела германца у Москвы и Питера на 25-ом году своей жизни, 10 с лишком лет террором, голодом и холодом строя чудовищную военную машину?!.. Милый Василий Алексеевич, я пишу Вам об этом не в порядке "обиды". А как пример отрицательного, что умоляет силу Ваших доводов не потому что в данном случае они направлены против демократ[ического] правительства (которое, впрочем, Вы никогда не признавали "настоящим пр[авительств]ом"), а потому что в Ваших речах и статье есть иногда положения и доводы, которые <u>ослабляют</u> Ваши собственные блестящие доводы в

защиту права, правды и свободы. Приведу еще пример. Вы убеждаете Кремль начать (по-вашему – продолжать) спуск на тормозах. А тут же приводите Токвиля: плохие правительства исчезают, когда начинают исправляться.[107] Это в перевернутом виде Ваша же мысль о большевиках – помните? Вы мне говорили, когда я допускал возможность "эволюции"; нет, говорили Вы, большевики на опыте Н[иколая] II поняли, что самовластие никогда не должно уступать. Какой же вывод сделают из Вашего Токвиля в Кремле? И какой вывод сделает патриотич[ески] взвинченный "советский" человек из Вашего утверждения, что диктатура, как система, лучше для обороны страны, чем демократия?! А ведь выводы этого "советского" человека для всех нас самое важное. И еще. Вы сводите Ваши старые счеты с "четырехвосткой", противопоставляя ей советскую систему. Но ведь ЕДИНСТВЕННОЕ новшество сталин[ской] конституции (36 г.) и заключается в том, что он уничтожил советскую, т.е. куриально-классовую систему выборов и ввел эту самую "четырехвостку". Ведь в Вашей аргументации доказательство (на основании самой констит[уции] 36 г.), что в России уже нет советской системы; что формально там уже существует общенародная внеклассовая система местного самоуправления и народного представительства; что нужно только отменить монополию партии на кандидатские списки для того, чтобы произошло МИРНОЕ преобразование страны – такое доказательство прозвучало бы у Вас сильно и убедительно…

Вот я и думаю, что между "непримиримостью" и примиримостью должна стоять ТВЕРДОСТЬ не только в защите прав личности, но и в аргументации этой защиты. "Мы думаем, – пишет мне один ближайший к Вам человек, – что если коммунисты сумели и восстановить, и защитить государство, то сделали они это за счет порабощения населения, которое м. б. и не понимает, КАК оно порабощено". При этих внутренних мыслях не слишком ли много ВНЕШНИХ уступок сделали наши единомышленники в Париже?! Только это сомнение нас и тревожит иногда. Но у меня есть какое-то чувство, что наш Париж уже решил "ДАЛЬШЕ НИ ШАГУ"!

Машинопись. Подлинник.
HIA. Maklakov, 8-17.

---

[107] Один из вариантов перевода знаменитого афоризма французского политического мыслителя, историка и философа Алексиса де Токвиля (1805–1859): "худшие времена для дурного режима наступают тогда, когда он делает попытки исправиться" (А. де Токвиль. Старый порядок и революция. Москва, 1997. С. 14).

В. А. Маклаков – М. А. Алданову, 11 июля 1945 г.

Париж, 11 Июля 1945 г.

Дорогой Марк Александрович,

Я пользовался каждым случаем, чтобы довести до Вашего сведения, что для того, чтобы я мог хлопотать о Вашей визе, необходимо, чтобы Вы сами через местного французского консула ее попросили. Только когда эта Ваша просьба сюда дойдет, я могу ее поддерживать. Потому надо было и меня тотчас об этом уведомить. Теперь я уезжаю на отдых; больше не могу. Если Вы все-таки хотите ехать сюда – сейчас перспектива не солнечная – известите меня по адресу бюро.

Я принял все меры, чтобы это было сделано и без меня.

Ваше письмо я по прочтении немедленно передал адресату, Титову; но я как его ни просил вернуть его мне на время для ответа Вам, он это сделал только сейчас, за 3 дня до отъезда. Буду отвечать Вам суммарно. Впрочем, все теперь как будто разъяснилось и для Вас, да и для нас.

И сейчас я отвечу по нескольким пунктам.

Хочу, во-первых, рассеять недоразумение, которое и здесь существует, о тесной связи “Объединения” с “газетой”. Говорят даже, что она наш “оффициаль”. Здесь столько же недоразумений, сколько неоправдавшихся надежд.

О газете говорили давно; не знаю юридического положения “Последних Новостей”, – но можно было ожидать, что после освобождения эта газета воскреснет. И этого с первого дня ожидали. Так как это зависело от Министерства иностранных дел, куда Ступницкий очень вхож, то все эти разговоры и слухи шли через него и от него. Когда эти слухи начинали переходить в реальность, Ступницкий предлагал мне быть редактором; потом – быть членом редакционного комитета. Я от всего отказался, считая это не своим делом. Согласился быть только в числе сотрудников и даже написать статью руководящую в первом же номере. Этим ограничивалось мое личное отношение к газете. Так как политически я был связан с “Объединением”, которое даже называлось в общежитии Маклаковской группой, то было естественно предположить, что по направлению газета будет поневоле совпадать с “Объединением”. Но в самом “Объединении” с каждым днем становилась резче рознь между флангами. С моим формальным уходом из “Объединения” именно серединная линия в нем терпела ущерб. Ведь

основой нашей идеи было приятие советского строя без отказа от наш [пропуск в тексте], т.е. компромисс между крайностями. Я был всю жизнь сторонником компромиссов и соглашения; это была моя политическая линия. Другие же смотрели на уступки скорее как на некоторое свое умаление и понимали примирение скорее как капитуляцию противника. Ступницкий с 42 г. был на том фланге, который ставил на первое место соглашение с советами, а не сохранение прежних признаков как на второстепенное [так!]. Став редактором, лично, не по поручению Объединения, он придал газете этот же партийный характер. Он демонстративно подчеркивал, что газета не орган Объединения, а дело его, как наследство "Последних Новостей". Здесь произошло первое охлаждение и разочарование. "Объединение" считало, что Ступницкий его обманывает, что было, конечно, неверно. Но Ступницкий не умел понять, что Объединение не его только фланг, что оба течения равно законны и необходимы, с легкостью выкидывал за борт всех не согласных с ним. Он только свой фланг считал законным представителем Объединения, а противоположный скидывал со счета. Это – результат темперамента и некоторой поверхностности. Скоро обнаружилось, что газета не может быть органом Объединения. Все это резко сказалось на моей статье в № 2. Она оказалась реактивом. Конечно, она если не по тону, то по содержанию вполне соответствовала линии Объединения. Но чтобы себя проверить, я предварительно ее показал нашим крайним флангам, Тер-Погосяну, с одной стороны, и Ступницкому и Кедрову,[108] с другой. Оба одобрили, хотя боялись реакции советов. Я предвидел возможность их неудовольствия и предложил Ступницкому обойтись без моей статьи. Он не хотел от нее отказываться и пошел на

---

[108] Михаил Александрович Кедров (1878–1945), вице-адмирал (1920); высшая должность в период Первой мировой войны – командующий минной дивизией Балтийского флота (1920). После Февральской революции – помощник морского министра, с июня 1917 г. уполномоченный морского министерства при Русском правительственном комитете в Лондоне. В октябре 1920 г. по приглашению П. Н. Врангеля возглавил Черноморский флот; один из руководителей подготовки и осуществления эвакуации войск Врангеля и гражданских беженцев из Крыма, привел эскадру в Константинополь, затем в Бизерту (Тунис). С 1921 г. в эмиграции в Париже, окончил Школу дорог и мостов, работал инженером; председатель Федерации русских инженеров в Париже. Принимал участие в работе Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), с 1930 г. второй заместитель председателя, после похищения председателя РОВС генерала Е. К. Миллера советскими агентами в 1937 г. исполнял недолгое время обязанности председателя этой организации, затем от политической деятельности отошел.

компромисс – “оговорку”. Я согласился. Их делали часто “Современные Записки”. Но вместо короткой оговорки Ступницкий написал целую критику, притом неудачную. Я нисколько не обиделся и понимаю, что он был вынужден. Но когда, несмотря на это, советы отнеслись к моей статье как к объявлению войны им, Ступницкий здесь сдал.

Я не знаю, что там ему говорили и как он оправдывался; он не говорил, и я поэтому не спрашивал. Но другим он жаловался на меня, что я газету подвел, и стал ее спасать. В Объединении поднялся вопрос – отречься от газеты. Но такое отречение было бы претенциозно, т.к. никто нигде никогда не говорил печатно, что газета – орган Объединения. Мне жалко Ступницкого, который взялся нести тяжесть ему не по силам; и в большем винить его не могу. Но, конечно, превратив газету в подражание “Патриоту”, он лишил Объединение “голоса”. Если о нем и не будут судить по “газете”, то физиономии его все-таки нет; оно теперь без голоса. И оттуда взаимное неудовольствие и потеря Объединением связи с советами. Тут Вы оказались пророком: гора родила мышь. Но ведь горы-то и не было; она Вам только издали показалась горой; мы смотрели скромнее.

Теперь хочу Вам сказать два слова о другом. Если мысль о том, что Россия круто повернула на новый путь, есть иллюзия, что все же в России, как всюду, идет полным ходом процесс сочетания старого с новым, интересов всего государства с интересами отдельного человека на иных, но разумных началах. Если бы я имел время и был редактором вместо Ступницкого, я бы именно это анализировал и описывал и хвалил бы советов [так!] за это так, что от моих похвал бы не поздоровилось. В России воскресает личность и заставляет государство себе уступать. И это во всех областях.

Возьмите интимную область личной жизни – любовь, семью и т.д. После недолгих лет нравов конского завода, или уничтожения личной жизни для государственной пользы, воскресает старая семья, с ее грехами и со здоровой основой. То же в области религии: безбожие провалилось, личность победила. В хозяйственной жизни, как живут мужики в колхозах – не знаю. Но зато вижу, что внизу, не только в местных советах, но во всех предприятиях (промышленных) идет здоровое сочетание “ответственного” распорядителя с “общественностью”, которая может и критиковать, и порицать, и требовать ответа. Все это начинается снизу, и если еще не дошло доверху, то дойдет. И по мере того, как эти нравы будут укрепляться внизу, будет меняться и верх. В борьбе всякого верха с низом верх может победить только тогда, ког-

да он поставит низы в соответственные условия, будет держать их в темноте, в полном подчинении начальству, словом, в атмосфере верха [так!]. Я думаю, что это они понимают. И недаром, как говорят, их старания направлены сейчас на массы, что свобода внизу при самодержавии наверху достижима. Отсюда новый своеобразный культ Иоанна Грозного.[109] Но это, конечно, паллиатив ненадолго. Изменить политику внизу она уже не может. И поэтому советская власть подпиливает сук, на котором сидит. Но это совершится не переворотом, не революцией, а постепенным изменением существующего. Теперешний процесс в России напоминает Самодержавие после 60 гг. Оно тоже не хотело сдаваться, держалось за свои прерогативы, за полноту своей власти, но тем, что освободило крестьян, дало земство и суд, себя постепенно подтачивало и привело к 1905 г. То же будет с советской властью; но новый порядок выйдет из них, с ними, а не из "Учредиловки". То был предмет давнишней моей ненависти, ибо в ней нет ничего, кроме фраз, фикции и обмана, не в обиду будь сказано Вишняку. Когда сейчас французское правительство без всякой надобности уступило в этом вопросе, мне все же обидно; для меня Ф[ранция] провалилась. Учредительное Собрание мыслимо только как орудие сильной власти, а не источник ее. Считать "плебисцит" выражением воли народа теперь, после опыта XX в., – непростительная наивность.

Если это реакция – я в ней повинен. Я предполагаю, что в основе власти лежит занятие практической работой советов или хозяйственных ячеек, а не "партий" и их комитетов. И поэтому из "советов" может возродиться здоровая государственность, а не Учредиловка – только уродливая. Учредиловка может быть только орудием сильной власти, а не источником ее.

Машинопись. Копия.
HIA, Maklakov, 2-12.

---

[109] В годы Великой Отечественной войны вышел ряд апологетических произведений о грозном царе, инспирированных прямо или опосредованно И. В. Сталиным, как научных, так и художественных. Была дважды переиздана с дополнениями в духе времени монография Р. Ю. Виппера "Иван Грозный" (Ташкент, 1942; Москва; Ленинград, 1944), вышла монография И. И. Смирнова "Иван Грозный" (Ленинград, 1944), в которой оправдывался опричный террор, 1-я книга исторического романа В. И. Костылева "Иван Грозный" (1943), 1-я серия фильма С. М. Эйзенштейна "Иван Грозный" (появилась на экранах в январе 1945 г.) и др.

М. А. Алданов – Б. И. Элькину, 15 июля 1945

15 июля 1945

Дорогой Борис Исаакович.

[…]

Я получил длинное письмо от Василия Алексеевича о “визите”, но оно скрестилось с моим, и на мои доводы он, таким образом, не отвечает. Не могу сказать, чтобы его письмо меня убедило. Да, сам В[асилий] Ал[ексеевич] не капитулировал, но его “группа” (о которой, скажу Вам по секрету, он пишет довольно пренебрежительно) бесспорно, капитулировала. Что сказать, например, о докладе Альперина?! А их “официоз”, по-видимому, ничем не отличается от “Сов[етского] Патриота” – по крайней мере, в передовых. Первая передовая и ответ Маклакову были именно “Чего изволите”. Вас. Алексеевич пишет и Коновалову, и мне, что его первая статья в этой газете была, вероятно, и последней. По письмам П.А. Берлина[110] видно, что некоторые визитеры (как Тер-Погосян) бьют отбой (у них Катценяммер,[111] – пишет Берлин). Я продолжаю считать визит большой ошибкой, хотя, как Вы знаете, не причисляю себя к “непримиримым”, не понимая, что это значит. Статьи Вишняка и Федотова, особенно в “За Свободу” чрезвычайно меня раздражают. “Нов[ый] Журнал” этих статей не поместил бы при всей своей “коалиционности”. Я писал Титову, что если бы Сталин дал амнистию, то мы приветствовали бы это (а не его), и добавил: не являясь с визитом в посольство. Так же мы приветствовали и победы русской армии. Думаю, следовательно, что Вы тут находите у меня противоречие напрасно. Мои письма и к Вам, и в Париж были построены на том, что ошибкой были визит и тост. Если бы они то же самое сказали в газете или в брошюре, как покойный Павел Николаевич [Милюков], то это развала политической эмиграции за собой не повлекло бы. Абрам Самойлович [Альперин] с довольно странной, чтобы не выразиться сильнее, шутливостью сообщает нам (для “петит истуар”[112]), что икра, рябиновка и портвейн были превосходные. Я очень этому рад, но боюсь, что хуже едят и пьют миллионы ни в чем не повинных людей, сидящих в ужасных лагерях по воле человека, за

[110] Павел Абрамович Берлин (1877–1962), публицист, экономист, историк; с 1922 г. в эмиграции в Берлине, с 1928 г. в Париже.

[111] Katzenjammer (нем.) – похмелье (букв. тоска кошачья).

[112] Petite histoire (франц.) – малая история, житейские подробности.

которого пили портвейн и рябиновку на рю Гренелль (“молчаливо”, – сообщает Вас[илий] Алексеевич, – но он ничего не слышит: может быть, кое-кто и не совсем молчаливо). Я писал, что “эмиграция его величества” есть нечто совершенно бессмысленное, и остаюсь при этом мнении. Нельзя призывать к возвращению – и сидеть в “Биотерапии”. Нельзя говорить “мы ни от чего не отказались” и издавать лакейскую газету – или называть ее “нашим официозом”. Думаю, что Маклаков – не знаю насчет других – относится к первой передовой газеты и к ответу редакции на его статью точно также, как я (а относительно Вас я и не сомневался в этом). Вас. Алексеевич пишет, что предложения вернуться не принял, так как капитан корабля покидает его последним. Как он, при своем редком уме, не почувствовал маленькой доли комического элемента в этих словах: при крушении капитан сходит в лодку с корабля последним потому, что оставаться на корабле очень опасно, а быть на лодке менее опасно. Здесь же дело обстоит как раз обратно: оставаться в Париже совершенно безопасно, тогда как вернуться значит идти на авантюру (напомню хотя бы о Святополке-Мирском[113]). Все же остальные, от Титова до Ступницкого, ни о каком возвращении никогда и не думали, – они рекомендуют это другим. А если вернувшихся постигнут там позже какие-либо неприятности, ну, что ж делать, очень жаль.

Прошу Вас ничего из сказанного в этом моем письме в Париж не сообщать.

[…]

Машинопись. Подлинник.
Bodleian. MS. Russian d. 7. Elkin. Л. 31-31 об.

---

[113] Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939), князь, – литературовед, литературный критик, публицист. Участник Первой мировой войны и Белого движения, в эмиграции с 1920 г. в Польше, затем в Афинах, с 1921 г. в Лондоне. Читал курс русской литературы в Королевском колледже Лондонского университета. Издал несколько антологий русской поэзии и ряд книг и статей о русской литературе на английском языке. С 1922 г. участник евразийского движения, с конца 1920-х гг. перешел на марксистские позиции, в 1932 г. вступил в компартию Великобритании и в том же году уехал в СССР. В 1937 г. арестован и осужден на 8 лет заключения в лагере по статье “подозрение в шпионаже”, умер в лагере.

М. А. Алданов – В. А. Маклакову, 20 июля 1945

Written in Russian
En russe

109 West 84 Str., New York 24

20 июля 1945

Дорогой Василий Алексеевич.

Большое Вам спасибо за Ваше письмо от 25 мая. Оно чрезвычайно интересно, я прочел его Коновалову, Керенскому, Карповичу – это ближайшие единомышленники (хотя я все-таки во многом не согласен с Александром Федоровичем). Вероятно, Вы тем временем получили мое письмо к Титову, копию которого я послал Вам через Элькина. Наши письма таким образом скрестились. Мне кажется, что, поскольку дело идет лично о Вас, то Ваша позиция не так уж далеко отстоит от нашей, – точнее, от того, что у нас здесь можно вынести за общие скобки. Говорю это, прочитав *Ваши письма и* Вашу статью в "Русских Новостях". Не могу, к сожалению, сказать того же о Вашей "группе" – хотя последние письма Тер-Погосяна отнюдь не похожи на первые и на то, что было сказано в докладе Альперина.

[…]

Машинопись. Подлинник.
HIA, Maklakov, 2-12.

В. А. Маклаков – А. Ф. Керенскому, 23 августа 1945

ПАРИЖ, 23 Августа 1945 г.

Милый Александр Федорович,

Я только что вернулся в Париж и могу Вам написать хоть несколько строк на машинке; тороплюсь, чтобы это письмо Вас застало, а сейчас, после долгого отсутствия, завален спешной работой. Ваше письмо уже показал Теру,[114] исполнил поручение к Софии Григорьевне;[115] от себя

[114] Имеется в виду М. М. Тер-Погосян.

[115] Очевидно, имеется в виду Софья Григорьевна Пети (урожд. Балаховская) (1870–1966), юрист, литератор, благотворительница; жила в Париже с конца XIX в., была замужем за французским дипломатом и политическим деятелем Э. Пети. В чем суть поручения, неясно.

прибавлю несколько слов. Я не помню, кому я писал о Вашей эмоции непримиримости; пересмотрел письма в Америку и этого выражения там не нашел. Удивляюсь, если его употребил. Было время, когда я Вас считал нетерпимым, что приблизительно одно и то же; но это время давно утекло. С самой Революции Вы оказались гораздо терпимее, чем я Вас считал, и тогда мое отношение к Вам изменилось в лучшую сторону. Позже – еще больше. Думаю, что Вы нетерпимее меня, но это ничего не означает; и если эти слова были мною написаны, то это отзвук прежнего, давно пережитого. И потому мне легко с Вами говорить до конца.

Я думаю, что Вы очень правильно, лучше, чем я сам это бы сделал, формулировали нашу позицию, во всяком случае мою. Да, после победы эмиграция не потеряла смысла и резон д'этр; ибо, несмотря на все успехи, в режиме России есть органический дефект, который рискует свести ее победу на нет. Это – неуважение к личности и к праву как верховному арбитру. Верно то, что если советская власть смогла войну эту выиграть, то этим она сама стала на тот путь соглашения, где эмиграция, не отрекаясь от себя и своей миссии, может провидеть примирение. Только на этой дороге мы можем мириться; а вне ее – России спасения нет.

Повторяю, я именно так думаю и рад, что Вы меня понимаете и за меня договариваете. Конечно, в статье я мог говорить яснее, чем у Посла; мы ведь пришли "мириться", а не требовать "капитуляции". И в статье я мог бы говорить яснее, если бы меня неделями не мучили просьбой смягчить, замазать и под[обное]. Вы досказали мою мысль до конца – что показывает, что понять меня было все-таки можно. Но к этому я хотел бы указать то, в чем я за Вами не следую.

Но это требовало бы такого длинного изложения, которое нельзя послать по авиону.

Вы думаете, что все дело сейчас заключается в возвращении к демократии, к ее началам, что все, что есть ценного в позднейшей эволюции большевизма, есть в уничтожении классов, [одно слово от руки нрзб.] системе выборов, в самоуправлении, т.е. в принципах демократии, как они понимались раньше, и в Ваше время, в 1917 г. Права человека и демократическое самоуправление как защита его.

Я не буду спорить об этом, т.к. это не актуальный вопрос. Вы верно отмечаете, что я во многом сам изменился, и причиной то, что социализм изменился, а против него мой инстинкт восставал. Я социализм принимаю как развитие и расширение прав "человека", <u>каждого</u> человека. Всякий должен иметь право на достойное существование и на

охранение государством этого права. Это не менее важно и обязательно, чем право совести, собраний и слова. Государство должно это всем обеспечить. Но я совсем не убежден, что это достигается четырехвосткой. Мне глубоко противно, когда строй жизни определяется "волей" – будь то самодержавия, будь то большевистского правительства. Слово "воля народа" мне также непонятно, как "высочайшая воля". Я не вижу преимущества "большинства" перед "меньшинством". И когда я вижу, как каждое большинство считает себя представителем всех, не согласных с собой – [два слова от руки нрзб.] свою партийную волю выдают за суверенную волю коллектива, то это представляется мне основной ложью нашего времени. Вы должны понимать, что, кроме большинства, есть меньшинство с ним не согласных, существующее вполне законно и которым нельзя пренебрегать. Долг большинства вести себя так, чтобы оно защищало меньшинство; так поступают в Англии, и в этом ее величие. И именно потому я считаю необходимым существование двух палат; считаю ложным желание второй палаты подчинить первую или делать из нее "сколок" первой; вторая палата должна быть голосом меньшинства. И для изменения закона нужно соглашение большинства и меньшинства, т.е. не борьба за большинство в избирательном округе, а соглашение двух палат. Но кто требует соглашения, тот должен указать, что делать, если соглашение не состоится. И я говорю: при наличии двух палат то решение получит [одно слово от руки нрзб.] закона, к которому присоединится "власть управления", т.е. глава государства, кто бы он ни был. Ибо он по существу своему представляет интересы всего государства.

Все это теория, и с ней можно не согласиться. Но только при наличии трех независимых сил можно говорить о равновесии всего государства. Но я не могу развивать Вам дальше эти мысли, тем более что это не практическая политика, а просто результат пристального наблюдения за провалом демократии буржуазной и денежной. И я думаю, что советский строй при дальнейшей эволюции к этому может прийти. Ибо он, как, впрочем, и тоталитарные режимы, понял, что "правительство" не только исполнительная власть, зависимая от "представителей" и "представительств", не представляющих народной воли. Вся ложь произошла из того, что часть вообразила себя целым, как когда-то монарх, а потом "представительство".

Не знаю, дошли ли Вы до того, чтобы не считать это только моей реакционностью.

Машинопись. Копия.
HIA. Maklakov, 8-17.

М. А. Алданов – Б. И. Элькину, 23 декабря 1945

109 West 84 St., N.Y. 24

23 декабря 1945

Дорогой Борис Исаакович.

Очень Вас благодарю за интересные и убедительные письма. Вчера получил Ваше письмо от 14-го и вчера же говорил с Александром Ивановичем [Коноваловым], который одновременно получил от Вас письмо от 15-го.

Прежде всего: у меня было впечатление, что Вы допускаете во мне и некоторый личный интерес к этому делу (разумеется, в хорошем смысле); т.е. Вы, быть может, предполагаете, что я склонен был бы и сам принять участие в газете в случае ее преобразования? Могу Вас уверить честным словом, что я в мыслях не имел и не имею быть членом ее редакционной коллегии и ни за что на это не согласился бы, если бы меня и упрашивали. Очень не склонен был бы и писать в ней – в нынешней парижской обстановке – даже в том маловероятном случае, если бы газета стала похожа на покойные "Посл[едние] Новости". Меня это ни в каком отношении и ни в какой мере НЕ интересует: я решил и остаток дней провести в совершенно свободной стране, и в ней и писать без оглядки на то, что скажут в полпредстве и что подумают русские парижане (Сирин остроумно и верно сравнивает русскую парижскую колонию с развалившейся сливочной пасхой, которой в понедельник тщетно пытаются придать воскресный горделивый пирамидальный вид). У меня к этому делу отчасти интерес общественный, отчасти интерес, связанный с Александром Ивановичем, – больше н и ч е г о .

Пишу Вам откровенно и конфиденциально. Мне кажется, А[лександр] Ив[анович] сам еще не окончательно решил, что ему требовать. В нем преобладает личная обида на людей, действительно поступивших с ним очень некорректно. Однако он отлично понимает, что начинать третейское дело о некорректных действиях Волкова, Ступницкого и Михельсона и не стоит, и незачем; я думаю, что они с полной готовностью выразили бы сожаление, принесли бы извинения и без суда чести, – это им ничего не стоит (особенно в буквальном смысле слова): они, конечно, в мыслях не имели обижать А[лександра] И[ванови]ча, а просто хотели получать жалованья и стать "вождями" развалившейся сливочной пасхи. Это было легче и проще сделать

без Александра Ивановича, который на такую газету никогда согласия не дал бы. Поэтому они его не запросили, воспользовавшись удобным слухом об его смерти. Дальше – больше, – приходилось изворачиваться.

Но если это чувство обиды в А[лександре] И[ванови]че, по-моему, преобладает, то, конечно, есть у него и большой общественный интерес: он хочет, чтобы газета изменила направление и стала независимым органом печати. Он со мной согласен в том, что конкретно это может вылиться только в требование о перемене редакции. Ваши доводы против суда чести, разумеется, сильны. Быть может, теперь дело упрощается, если сам Ступницкий готов отказаться (чем это объясняется: или газеты больше не читают? или уже иссякли фонды "Посл[едних] Нов[остей]"?). Тут у нас начинается расхождение. А[лександр] Ив[анович] НЕ видит кандидата в редакторы. Мы оба сходимся в том, что лучше всего подходил бы Василий Алексеевич, но мы оба почти не сомневаемся, что он откажется. Вторым кандидатом А[лександра] И[ванови]ча был бы Я. Л. Рубинштейн.[116] Я тоже думаю, что после Маклакова он был бы наиболее подходящим кандидатом. Однако опять-таки и Коновалов, и я почти уверен, что Я[ков] Л[ьвович] также откажется. Больше А[лександр] Ив[анович] не видит никого.

Я лично не вполне с этим согласен и дальше высказываю только свое личное мнение. По-моему, надо убедить Кускову,[117] чтобы она

[116] Яков Львович Рубинштейн (1879–1963), адвокат; социал-демократ, примыкал к правому крылу меньшевиков; в 1917 г. председатель Харьковской городской думы. В эмиграции в Париже; член Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей; член Российского эмигрантского комитета и административного Совета Нансеновского комитета, с 1935 г. представитель эмиграции в совещательном комитете по беженцам при Лиге Наций в Женеве.

[117] Екатерина Дмитриевна Прокопович-Кускова (урожд. Есипова) (1869–1958), политический деятель, публицист. В 1890-е гг. – социал-демократка, одна из идеологов и лидеров "экономистов"; с начала 1900-х гг. участвовала в "освобожденческом" движении; на первом съезде партии кадетов в октябре 1905 г. была заочно избрана в ЦК, но войти в партию отказалась; выступала за блок всех левых сил, включая кадетов. Увлекалась кооперативным движением. В период Первой мировой войны – на "оборонческих" позициях; после Февральской революции поддерживала Временное правительство, выступала против большевиков. В годы Гражданской войны – "нинистка" (ни Ленин, ни Колчак). В 1921 г. одна из организаторов и руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим (Всероспомгола). После разгона комитета арестована и сослана на Север, затем в 1922 г. выслана вместе с мужем за границу. В эмиграции жила в Берлине (1922–1924), Праге (1924–1939), с 1939 г. – в Женеве.

переехала в Париж и чтобы они с С[ергеем] Н[иколаевичем][118] стали редакторами – временно единоличными. Как и Вы, я думаю, что при обеспечении ей прожиточного минимума она согласится на это. Разумеется, редактором она будет плохим. Однако, при ней н е з а в и с и м о с т ь газеты будет обеспечена; репутация "Русских новостей" улучшится. Если А[лександр] И[ванович] в 1946 году приедет в Париж, редакция должна стать коллективной: Кускова и он. В газету Кусковой ему будет не стыдно войти. Это надо было бы оговорить с Екатериной Дмитриевной. Думаю (не уверен), что на такую газету д е н ь г и достать в Париже можно было бы (после того, как фонды "Посл[едних] Новостей" иссякнут). Допускаю также, что в этом случае согласился бы вернуться в Францию А. А. Поляков, прекрасный технический редактор (впрочем, Ратнер[119] тоже очень хороший техник: *общим редактором он быть не может при всей своей даровитости* для газетного дела).

Возможно, впрочем, что Кускова откажется, как ни трудно их положение в Швейцарии (каюсь, я хотел бы оказать услугу этой прекрасной, хоть сумбурной женщине: ведь в Швейцарии она просто пропадает от безденежья. В Париже с весны, при сносном заработке, они могли бы жить лучше). Если она откажется, то, быть может, годился бы в редакторы С. Ф. Штерн[120] или М. М. Тер-Погосян. Если говорить правду, лучше Ступницкого будет в с я к и й .

---

[118] Сергей Николаевич Прокопович (1871–1955), политический деятель, экономист; с конца 1890-х гг. – социал-демократ, один из лидеров "экономизма". В 1904 г. вступил в "Союз Освобождения"; в 1905 избран в ЦК партии кадетов, но вскоре вышел из партии. Считал себя "внефракционным социалистом". Видный деятель кооперативного движения. В июле-сентябре 1917 г. – министр торговли и промышленности Временного правительства, в сентябре-октябре – министр продовольствия. Министр-председатель подпольного Временного правительства до своего ареста 19 ноября 1917 г. Был вскоре освобожден. В 1921 г. вместе с Е. Д. Кусковой и Н. М. Кишкиным руководил Всероссийским комитетом помощи голодающим. Арестован после разгона Всероспомгола, сослан на Север, в 1922 г. выслан за границу. Жил в Берлине (1922–1924), затем в Праге (1924–1939), где возглавлял "Экономический кабинет", с 1939 г. – в Женеве.

[119] Евсей Владимирович Ратнер (1893 или 1895 – 1970 [?]), физик, журналист, литератор; сотрудник "Последних новостей", член парижской группы партии кадетов.

[120] Сергей Федорович Штерн (1886–1947), общественный деятель, журналист; до революции был корреспондентом ряда российских газет в Париже; в России редактировал "Одесский листок", был издателем газеты "Одесские новости". В эмиграции с 1919 г. в Париже; видный деятель российских общественных и благотворительных организаций, в том числе Земгора, в 1922–1923 гг. редактор еженедельника "Слово". Печатался в "Последних новостях". В годы Второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления, занимался организацией помощи заключенным, спасением еврейских детей.

Вы спрашиваете, можно ли сослаться в разговоре со Ступницким на меня: конечно, нет: у меня нет никакого права вмешиваться в это дело, и Ступницкий вполне основательно ответит, что Алданов тут не причем. Я “вмешиваюсь” только потому, что А[лександр] Ив[анович] со мной советовался, и потому, что мы с ним в дружбе. Вы – душеприказчик Павла Николаевича [Милюкова] и представитель интересов А[лександра] И[ванови]ча. Сам он – б[ывший] председатель Правления “П[оследних] Нов[остей]” и крупный акционер. Только Вы и можете вести переговоры со Ступницким, нет, пожалуйста, на меня не ссылайтесь, тем более что я повторяю, и при Кусковой в газете писать не буду. При Кусковой – Коновалове, быть может, иногда неполитические статьи помещал бы, да и то не уверен.

Мы оба очень огорчены Вашим сообщением о “новых болезнях” Анны Александровны. Как она себя чувствует? Вы понимаете, как хотелось бы повидать Вас обоих.

Вчера получил телеграмму от Полонских: нам дана французская виза. Начинаем хлопоты о праве возвращения в С[оединенные] Штаты. Если весной поедем, то я надеюсь вернуться через месяц.

Сердечный наш привет Вам, Анне Александровне, Александру Борисовичу, который видел так много интересного, – чего я больше не увижу. Лучшие наши пожелания на Н[овый] Год – надеюсь в 1946 году встретиться.

Ваш М. Ландау

Машинопись. Подлинник.
Bodleian. MS. Russian d. 7. Elkin. Л. 36-36 об.